

АЛЁНА КАЗАЧЕНКО

МОРСКАЯ СОЛЬ, РУСАЛОЧЬЯ КРОВЬ И ЖЕМЧУЖНЫЕ СЛЁЗЫ

18+

Алёна Казаченко

Морская соль, русалочья кровь и жемчужные слезы

«Автор»
2026

Казаченко А. А.

Морская соль, русалочья кровь и жемчужные слезы /
А. А. Казаченко — «Автор», 2026

Равновесие в империи Цигу нарушилось, когда основатель Клана Священного Пламени Шэн Ли вошел в ранг божеств и, питаемый ненавистью к нечисти, заставил ее подчиниться заклинателям. Оборотни, мертвецы, чудовища и духи стали безвольными марионетками в руках экзорцистов, которые обращаются к магическим существам как к рабам и скоту. Но те, кто смог избежать участи попасть под заклятье Цепей, основали армию Восставших и укрылись в недрах древнего кургана.Хайфэн – сын Шэн Ли и плененной принцессы русалок. Силы юноши запечатаны от рождения, а его самого отец использует как рычаг давления на русалочий род, который посмел бросить ему вызов двадцать лет назад. Судьба Хайфэна резко меняется, когда его, отправленного в ссылку в заброшенную усадьбу, похищает один из генералов Восставших – волк-оборотень Шаньдянь. Теперь перед ним стоит задача освободиться от печати и открыть свои способности, чтобы бороться против заклинателей и возглавить морских обитателей.

© Казаченко А. А., 2026
© Автор, 2026

Алёна Казаченко
Морская соль, русалочья кровь и жемчужные слезы

Морская соль, русалочья кровь и жемчужные слезы

Пролог

Испокон веков люди нуждались в предводителе, который встал бы во главе человеческого рода и указал им верный путь, распространяя свою волю по всей империи. Им нужен был тот, кому они могли поклоняться и у кого просить помощи. Они всегда воздвигали на пьедестал тех, кого считали всемогущими: будь то шифу , генерал или глава клана. Они чтили богов и молились им. Такова была человеческая природа – преклонять колени и молить о заступничестве.

Вот только небожители, божественные звери, духи и демоны мало чем отличались от них. Они тоже превозносили самого великого среди них. Привычка опираться на сильного мира сего свойственна всем существам. Всем необходим лидер, проводник, герой.

Всю свою жизнь я задумывался: существуют ли герои на самом деле? И нужны ли они миру? Стоит ли ставить в центр мироздания того, в чьих руках сосредоточие всей власти, того, кто владеет всеобъемлющей силой и знаниями? Не нарушает ли это равновесие? Ведь все существа – живые и мертвые – равны в своем праве на существование, спокойствие и гармонию.

Я родился в ту эпоху, когда человеческий род овладел огромной мощью и вознесся над волшебными существами. Глава Клана Священного Пламени Шэн Ли, величайший герой всех времен, поработил магических обитателей мира.

Народ ликовал, добровольно неся на своих плечах тяжкий порок поклонения тому, кто по своей жестокости не уступал демонам.

Лишенный зрения, еще в детстве я понял, что каждый второй в мире – слепец, не желающий видеть истину. Но некоторые вещи я осознал слишком поздно.

Настоящих героев не существует.

Глава первая

Дитя русалки

Напоенный землистыми запахами влажного мха, опавшей хвои и тягучей смолы сосновый лес был пронизан тихим, бессвязным шепотом шелестящей листвы. Мелкие веточки под ногами резко трещали под черными сапогами путника, будто кости, а стрекот насекомых гулом отдавался от сырой земли. Темные стволы вздымались высоко вверх, их тяжелые кроны мрачным пологом простирались над головой. Туманные облака заволокли далекое небо, и сизый свет, с трудом проникающий сквозь ветви, окрашивал все вокруг в серый безжизненный цвет.

Неторопливо прогуливающийся Шаньдянь скучающе скользил взглядом по деревьям и крутил меж металлических когтей на кончиках пальцев длинное серебристое лезвие. Довольный ночной вылазкой, он никуда не торопился: пусть потом опять будет выслушивать выговор от Владыки.

Ведь он – один из четырех его генералов и самый сильный яо среди тех, кто присоединился к Восставшим.

Однако недолгое время отдыха, которое он себе позволил, нарушили громкие выкрики, донесшиеся с неба и разорвавшие сонную тишину леса:

– Мы нашли его!

Шаньдянь резко остановился, его тонкие губы растянулись в усмешке. Он ожидал, что рано или поздно за ним отправят погоню, и еще несколько минут назад ощутил пылающую ци заклинателей.

Послышался свист, треск ветвей и шорох ткани, и на землю стремительно опустилось пятеро мужчин, облаченных в багровые одеяния с золотыми узорами, резко выделяющиеся на фоне тусклого пейзажа. Окружив Шаньдяня и призвав в руки золотистые мечи, на которых прилетели, они выставили вперед оружие и грозно уставились на демона, который как ни в чем не бывало продолжал крутить в руке кинжал.

– Это ты убил наших последователей в Гаосине? – спросил один из них, гневно стиснув зубы. В глазах заклинателей отражалась ярость, высокомерие и ненависть.

– Схватить его!

Вскричав, они одновременно бросились на него. Не успели их клинки достигнуть цели, как невозмутимый Шаньдянь высоко подпрыгнул, избегая удара, и, ловко перекувыркнувшись в воздухе, опустился за их спинами под лязг схлестнувшихся мечей. Экзорцисты обернулись к юноше, насмешливо глядящего на них из-под полуопущенных век.

На ладони одного из заклинателей вспыхнул шар пламени, и он метнул его в Шаньдяня, но тот легко уклонился, и кустарник за его спиной загорелся оранжевыми всполохами.

– Не надо! Иначе мы сожжем лес! – скомандовал старший среди нападавших.

– Значит, растения вам жалко, а обитателей Цигу нет? – вкрадчиво произнес Шаньдянь, и в его голосе прозвучала зловещая нотка. – Как благородно.

– Молчать, темное отродье!

Глаза лан–яо недобро блеснули. Он направил свою ци в кинжал, и вокруг его головы возникло с десяток одинаковых призрачных лезвий зигзагообразной формы. Взмахом руки он направил кинжалы в противников. Серебряные росчерки пронеслись вперед и, ведомые ци хозяина, обрушились на врагов. Те, мгновенно отбив клинки, выставили вперед руки и создали вокруг себя энергетический щит.

Шаньдянь призвал еще кинжалов, которые вместе с предыдущими устремились к барьеру. Тот дрогнул и пошел трещинами, но устоял – его поддерживали сразу четверо заклинателей. Главный среди них выхватил из-за пазухи стопку талисманов и, прижав два пальца к губам, прочел заклинание. Желтые бумажки метнулись к Шаньдяню и, закружившись вокруг него ровным строем, сковали его по рукам и ногам.

Лицо демона потемнело, но экзорцисты, не придавшие этому значения, хмыкнули и переглянулись друг с другом.

– Наложим на него заклятье и дело с концом, – сказал их шисюн и двинулся к Шаньдяню, на ходу сделав мечом надрез у себя на ладони.

– Вздумали наложить на меня «Цепи»? – лицо демона исказила пугающая усмешка, и заклинатель невольно вздрогнул, столкнувшись взглядом с сияющими ярко-желтым светом узкими глазами демона, в которых полыхали кровожадность, гнев и чистое безумие. – Так знайте, – он сделал паузу, пронзая мужчин взглядом. – Я. Никогда. Никому. Не. Подчинюсь.

Клубящаяся темная ци взрывом взметнулась в воздухе, и заклинателей, не удержавших щит, отбросило назад ударной волной. Облака почернели, обратившись в грозовые тучи, вокруг резко потемнело, а воздух стал еще более влажным, удушливым и тяжелым. Громко и зловеще прогрохотал гром, и в вспышке молнии экзорцисты разглядели огромный силуэт волка, вздымающегося над черной дымкой.

— Это… Это же… – дрожа и отползая назад, в испуге пробормотал один из мечников.

– Черный Волк Ока Шторма! – завопил другой.

Вспыхнули во мраке янтарные звериные глаза, и следом за ударом молнии, пронзившей содрогнувшуюся землю между демоном и экзорцистами, волк с утробным рыком прыгнул на заклинателей.

Опаленные молнией, они не успели даже подняться. В мгновение ока волк перегрыз каждому шею, заливая землю горячей кровью. Истошные крики боли и предсмертные хрипы тонули в громовых раскатах. Очередная вспышка высветила лохматого, угольно-черного зверя, с чьих острых клыков капала густая алая жидкость. Металлический запах крови пропитал все вокруг едким дурманом, смешиваясь с резкими нотами озона.

Волка заволокла черная дымка, и мгновения спустя на его месте вновь возник очень высокий широкоплечий юноша в длинной чернильно-фиолетовой накидке, отороченной черным мехом на вороте и коротких рукавах. Его бледное узкое лицо было забрызгано кровью, неестественно яркие радужки глаз по-прежнему ярко горели злобой и ненавистью. С наслаждением облизнув испачканные кровью губы и оскалившись, он прошипел:

– Я сдержу свою клятву и уничтожу каждого в Клане Священного Пламени.

***

Подземный город жил своей жизнью.

В недрах земли, среди далеких Ониксовых гор на западе Цигу раскинулся настоящий лабиринт. В древности он был огромным курганом, в котором хоронили уважаемых жрецов и выдающихся воинов, но вскоре после Испепеления стал убежищем для сотен существ. Различные оборотни, чудища, живые мертвецы, якши и духи природы, даже драконы жили здесь по одиночке и семьями, разместившись прямо на полу сырых, холодных, мрачных залов и туннелей. Столы им заменили старинные каменные гробы, из бронзовых кувшинов вытряхнули драгоценности и погребальные предметы, и теперь демоны варили в них похлебки и хранили вино. В отличии от людей, нечисть могла приспособиться к любым условиям.

Шаньдянь двигался вперед по туннелям, которые были подобны оживленным улицам в мире людей. Под потолком, с которых свисали гирлянды паутины, над головами местных обитателей, в проходах между гробами кружились призрачные огни, освещая мрак потусторонним синим светом. Голубоватые всполохи танцевали на стенах вместе с черными горбатыми и костлявыми силуэтами. Шум голосов, крики и глухие смешки эхом отражались от каменных стен, покрытых влагой. Нечисть сновала по коридорам и толпилась возле прилавков, за которыми особенно предприимчивые демоны продавали оружие, магические артефакты и различные безделицы. Другие раскладывали по тарелкам супы, от некоторых из них отчетливо пахло кровью – многие яо выходили на охоту в ближайших лесах, чтобы помочь прокормить остальных Восставших. Шаньдянь с наслаждением вздохнул обожаемый им запах животной крови. Вместе с таящейся в ней жизненной энергией она была очень питательна.

Однако человеческую он любил куда больше.

Лан-яо подошел к одному из прилавков, и все вокруг тут же расступились, низко кланяясь. Нечисть с трепетом и уважением глядела на него, со всех сторон послышались шепотки и томные вздохи хули–цзин . Взволнованный торговец двумя руками передал юноше глиняную плошку с супом, но не успел Шаньдянь сделать и пары глотков, как за его спиной прозвучал глухой, призрачный, но невероятно пленительный женский голос:

– Ах, вот ты где. Наконец возвратился.

Юноша повернулся. Перед ним стояла мертвенно бледная женщина с диадемой в виде черепов на черных волосах, спутанными космами падающих ей на лицо. Из-под длинных прядей на него смотрели лишенные зрачков белые, как у мраморной статуи, глаза, уголки тонких черных губ были слегка приподняты в улыбке. Женщина обладала соблазнительными формами, и ее пышную грудь, на которой лежало крупное ожерелье из костей, и крутые бедра едва прикрывали белые отрезы ткани.

– Приветствую тебя, прекрасная Гуйму , – обнажил окровавленные зубы Шаньдянь. Гуйму, как и он, была одним из генералов Владыки. – Ты зачем-то искала меня?

– Владыка хочет поговорить с тобой, – посерьезнела повелительница гуев . – Немедленно отправляйся к нему в кабинет.

Юноша недовольно скривил рот.

– Могу я хотя бы пообедать?..

– Он давно ждет тебя, – оборвала его женщина.

Закатив глаза и выругавшись, Шаньдянь грохнул миской по гробу, заменяющему прилавок, и последовал за ней, но едва сделал пару шагов, как резко обернулся и указал на торговца когтистым пальцем.

– Я потом доем.

После чего торопливо пошел за покачивающей бедрами Гуйму.

***

Каменная дверь со скрежетом отворилась, впуская в темное помещение, в котором почти ничего не было видно из-за клубящихся завитков дыма. Приторно-сладкий, с ноткой гнилости, как у испорченных фруктов, аромат заполз в нос и рот, оседая в легких. Поморщившись, Шаньдянь помахал рукой перед лицом, разгоняя марево, а Гуйму тем временем вошла следом и закрыла дверь у него за спиной.

По ту сторону дымовой завесы, где виднелся рассеянный голубоватый свет призрачных огней, донесся протяжный вздох.

– Почему так долго, Шаньдянь?! – требовательно спросил капризный мальчишеский голос. – Где ты опять пропадал?

Юноша шагнул вперед и уважительно поклонился, сложив руки перед грудью.

– Я сделал то, что вы мне велели. Но я не смог отказать себя в том, чтобы заскочить в еще пару поселений и истребить находящихся там людишек. Тридцать пять экзорцистов Клана Священного Пламени, четверо из Клана Божественной Охоты, пятеро из Клана Железного Щита, трое из Клана Небесных Песнопений и трое из Клана Цветущего Древа, – Шаньдянь выпрямился и плотоядно оскалился. – Пятьдесят человек. Все убиты мной, Владыка.

Из тумана донеслось протяжное «хм», но Шаньдянь мгновенно уловил, как изменилось настроение Владыки. Юноша услышал, как тот снова затянулся и выпустил новую струю дыма из трубки, с которой никогда не расставался.

– Что ж, замечательно, – удовлетворенно произнес он. – Так и быть, я прощу тебя за задержку.

Дым внезапно рассеялся, открыв взору сидящего за столом тощего подростка в богатом ханьфу цвета полуночного неба. Часть его черных волос была собрана в хвост на затылке, а оставшиеся пряди спускались по плечам. На лице мальчика было неизменное высокомерное выражение, черные, по-детски круглые глаза блестели двумя обсидианами, в утонченных чертах лица невинность соседствовала со взрослой холодностью.

В это трудно было поверить, но этот вздорный на вид мальчишка был ни кем иным, как Владыкой Кошмаров Эмэном, демоном-мо, стоящим во главе Восставших. В мире нечисти внешность была поистине обманчива, за личиной ребенка мог скрываться тысячелетний демон, и те, кто имел смелость усомниться в могуществе Владыки, на своем опыте испытывали все коварство его магии, способной сводить людей с ума.

– У меня для тебя новое задание. Уверен, оно тебе понравится, – улыбнулся Владыка уголками губ. – До меня дошли слухи, что поблизости, в предгорье на границе Кланов Железного Щита и Священного Пламени, в резиденцию, принадлежащую Шэн Ли, приехал некий юноша, которого слуги зовут «молодым господином» и «сыном Истребителя». Понимаешь, что это значит?

– Это кто-то из детей Шэн Ли? – чуть нахмурился Шаньдянь.

– Именно. Насколько мне известно, в той резиденции, кроме молодого господина никто больше не живет, но при этом дом тщательно охраняют. Но для тебя и твоих сородичей это ведь не проблема, не так ли? – Владыка задумчиво поднес трубку к губам.

Шаньдянь усмехнулся, склонив голову набок.

– Что, если мы похитим отпрыска Шэн Ли? – продолжил Владыка. – Мы сможем не только выпытать у него информацию, но и использовать его в качестве заложника. А если вдруг он окажется бесполезен… – он перевел на Шаньдяня пристальный взгляд. – Ты ведь с удовольствием устроишь из казни представление?

– О, да, – протянул лан-яо, медленно и хищно улыбнувшись.

***

Из-за дымчатых кучевых облаков выплыла полная луна, освещающая тьму ночи подобно огромной серебряной жемчужине. Зашуршали ветви кленов, чьи листья отбрасывали на покрытую блестящей росой траву черные пятипалые тени, похожие на растопыренные пальцы, и с верхушек деревьев взлетели вороны, пронзительно каркнув и устремившись к темно-синему бархатному небу. Двое стражников, караулящих усадьбу с внешней стороны, замерли и зорко огляделись по сторонам. Не заметив ничего, они продолжили патрулировать территорию.

Шаньдянь наблюдал за ними, пристроившись на одной из крепких ветвей. На соседнем дереве, изящно положив руку на шершавую кору, стояла Гуйму, чье содействие потребуется после окончания грядущей бойни – она обращала трупы в живых мертвецов, а за спиной Шаньдяня в кронах прятались другие яо – лисы, тигры, псы, пауки, крысы. Все они тщательно подавляли свою ци, но каждый ждал сигнала Шаньдяня, чтобы начать атаку. Тот мог бы легко справиться сам, но Владыка настоял, чтобы он взял с собой подкрепление. Пока они будут отвлекать на себя стражей, он проберется внутрь усадьбы и похитит сына ненавистного ему Истребителя.

Вот только перед этим он собирался хорошенько насладиться кровью ублюдков из Клана Священного Пламени.

Дождавшись, пока стражники завернут за угол, он взмахнул рукой:

– Сейчас!

Оборотни предвкушено зарычали, зашипели и захихикали. С тихим свистом они спрыгнули с деревьев, и следом за Шаньдянем помчались в беленой внешней стене.

Резиденция не отличалась большим размером и была построена по типу сыхэюань . Судя по поблекшим крышам киноварного цвета, потрескавшемуся камню, чахлой растительности и высохшему пруду в центре внутреннего двора, за ней долгое время никто не ухаживал: мало того, она выглядела заброшенной. Это показалось Шаньдяню странным: Клан Священного Пламени обожал роскошь и всячески подчеркивал свое благосостояние и величие, так почему же сын самого Шэн Ли остановился в этой ущербной усадьбе?

Стоило яо запрыгнуть на внешнюю стену, как их отбросило назад – защитный барьер против нечисти не пропустил их. Шипя и постанывая от боли, оборотни поднялись с земли, и Шаньдянь, предусмотрительно не коснувшийся барьера, крикнул им с высоты:

– Помогите сломать барьер!

Нечисть с готовностью выставила вперед руки, направляя в мерцающий золотистый купол темную ци, дымом заструившуюся из их ладоней.

Из-за стены послышались крики стражей, заметивших, что кто-то пытается проникнуть сквозь защиту. Шаньдянь сложил руки в печать и, взывая к яростной, извивающейся, потрескивающей внутри него энергии, прочитал заклинание. Облака, будто притянутые неизвестной силой, стянулись над растущими во дворе резиденции деревьями, и в купол ударила изломанная бледно-фиолетовая молния, расколов небо на две части.

Раздался дрожащий стеклянный звон, и под раскат грома дыра в барьере осыпалась осколками. Защита пала.

Тем временем пораженные стражники, среди которых большинство было заклинателями, вскочили на стены. В воздухе засвистели стрелы, вонзаясь в мягкую почву. Уклоняясь от них, яо, оскалив зубы и выпустив когти, бросились на людей со свирепостью, на которые были способны лишь дикие звери.

– С ними Черный Волк Ока Шторма! – прорвался чей-то крик сквозь вопли, звон клинков и рык оборотней.

Шаньдянь, мрачно усмехаясь, ловко отбрасывал от себя заклинателей молниями, вырывавшихся у него из рук. Разряды тока паутиной пробегали по конечностям экзорцистов, заставляя их корчиться от жгучей боли, вгрызающейся в кости.

Развернувшись, Шаньдянь метнул в лучников изогнутые кинжалы, застав их врасплох. Лезвия вонзились им в горла, и мужчины, хрипя, повалились со стены, где их тут же добили жаждущие человеческого мяса оборотни, многие из которых успели принять свой истинный облик.

Избегая чужих клинков и летающих в воздухе талисманов фучжоу , которые, однако, с его уровнем сил не могли причинить ему особого вреда, Шаньдянь преодолел внешний двор и запрыгнул на внутреннюю стену. Перерезав горла нескольким особенно настойчивым стражам, он пробежал вперед, перескочил на крышу павильона и вихрем пронесся по двору, резко орудуя клинками и сметая всех на своем пути.

Резиденцию окружила завеса из темной энергии, сверху продолжали раздаваться то приближающиеся, то отдаляющиеся раскаты громы, и стрелы молний вонзались в землю, раскалывая выложенные каменной плиткой дорожки, поджигая кусты разросшейся сирени и сотрясая постройки, с крыш которых сыпалась разломанная черепица. Белые вспышки озаряли сумрачный двор в хаотичном ритме. Шаньдянь любил действовать быстро, и потому не боялся тратить слишком много энергии: гроза была его самым верным союзником в битвах.

Сломав двери в павильон, он оказался в озаренном бумажными желтыми фонарями просторном зале с резной, обшарпанной деревянной мебелью и старыми, пожелтевшими свитками на стенах. Там он сразу столкнулся с еще несколькими стражниками, охранявшими покои господина. Они с готовностью направили на него мечи, но не успели ничего сделать, как лан-яо небрежно махнул рукой, и сверху на них обрушились десятки лезвий. Заклинатели попытались отбить их, но кинжалов было слишком много, и большая часть вонзилась в их плоть. Подскочив к ним, юноша направил в кинжал свою ци и вонзил его в сердце стражника слева, без труда пробив доспех, а в лицо второму метнул заряд молнии. Крича и подергиваясь в агонии, тот повалился на пол, прижав ладони к ослепленным глазам.

Шаньдянь выдернул кинжал из груди противника, и брызнувшие в воздух капли крови окропили его лицо. Коварно ухмыляясь, он рывком распахнул двери в покои.

И оторопел.

Посреди маленькой, полупустой и пыльной спальни с кроватью в углу, занавешенной полупрозрачным рваным балдахином, неподвижно стоял божественно прекрасный юноша. В окно слева от него проникал голубоватый лунный свет, пробившийся сквозь редеющие тучи над усадьбой. Холодное сияние окутывало человека серебристым мерцанием, вся его стройная высокая фигура мягко светилась, подобно светлячку, заблудшему во мраке. Легкое дуновение свежего, прохладного ветерка колыхало его нежно-голубые волосы, гладкой шелковой волной спускающейся до колен. Они переливались от светло-синего до серебристо-белого – словно каждый волосок был сделан из чистейшего, сверкающего лунного камня. В белом ночном халате, почти сливающемся с нефритовой кожей, он был неотличим от призрака – полупрозрачного, зыбкого и одинокого.

Но больше всего Шаньдяня поразили его глаза – большие и льдисто-голубые, как поверхность замерзшего озера, они были покрыты туманной пеленой. Взгляд молодого господина, чье по-девичьи изящное лицо не меняло спокойного и бесстрастного выражения, был пустым и стеклянным, как у мертвеца, но в то же время необычайно пронзительным. И выглядел он не испуганным и растерянным, как свойственно тому, кого собирались похитить, а собранным и решительным. Он молчаливо выжидал, что предпримет незваный гость, дерзко ворвавшийся в его покои – и, казалось, ждал его задолго до того, как он пришел.

Два цвета – золотисто-огненный и серебристо-голубой – проникали в комнату с разных сторон, разделяя пространство между юношами, из-за чего казалось, будто они находятся за границами двух миров.

Позади застывшего в странном, непонятном для него изумлении Шаньдяня раздались глухие хрипы, со двора доносились окрики и звериный вой. Резко повернув голову, так, что в ухе звонко звякнула цепочка с серебряным клыком на конце, он сжал в ладони кинжал и устремился к незнакомому юноше.

Тот медленно приоткрыл тонкие губы, вздыхая, но не успел он ничего сказать, как Шаньдянь бросился на него. Подумав, что жертва собирается закричать, зажал рукой ее рот и с силой повалил на пол, приложив затылком о низкий стол у окна. Глухо ахнув, юноша тут же обмяк и мгновенно потерял сознание.

***

Тонко звякнули цепи, эхом отразившись от стен, и висящий над полом юноша со скованными над головой покрасневшими запястьями тихо вздохнул, застонал и приоткрыл веки.

– Сладко спалось? – прозвучал притворно ласковый, елейный голос.

Стукнули сапоги по каменному полу, и из мрака, который едва могли развеять горящие на полу оплавившиеся свечи, вышел демон, в чьих глазах плясали дьявольские огоньки. Окутанный терпким, густым дымом, он встал перед пленником, который, не поднимая головы, пошевелил босыми ступнями, болтающимися в воздухе, и вдохнул запах растаявшего воска, стекающего по свечам и белесыми лужицами собирающегося на полу, гари и крови, чьи засохшие бурые пятна брызгами покрывали стены.

– Ну же, расскажи мне, какого это – быть заключенным в цепи? – внезапно подался к нему Шаньдянь, шепча и опаляя ухо горячим дыханием. На его губах играла широкая, фальшивая улыбка, а в глазах сошлись в танце сумасшествие и ярость. – Беспомощным, безвольным, слабым и покорным, не способным владеть своим телом? Каково это, почувствовать себя на месте тех, кого поработил твой папочка? – проворковал он и злобно зашипел на последнем слове.

Он видел, как пленник дрогнул, едва заметно поморщился и попытался отстраниться от него, но лицо его не выразило не страха, ни отчаяния, как перед тем, когда Шаньдянь похитил его. Белокожий юноша не поднимал глаз, не озирался по сторонам, не звал на помощь – лишь поджимал бледные, сухие потрескавшиеся губы и слегка хмурил тонкие брови. Это озадачивало демона, привыкшего к тому, что в тюремной камере Кургана стены пропитаны солью чужих слез.

Насколько этот человек был непредсказуемым, Шаньдянь осознал в следующий момент.

Пленник разомкнул губы и тихо выдохнул:

– Премного благодарю за спасение.

Слова, произнесенные мягким, бархатистым, протяжным голосом, прозвучали предельно ясно и отчетливо, повиснув в воздухе и прокатившись по комнате незримой рябью. Отпечатавшись в сознании Шаньдяня, будто клеймо, они потрясли его до глубины души.

– Что ты сказал? – низко прорычал он.

– Спасибо, что забрали меня из усадьбы, – все так же спокойно повторил юноша.

Шаньдянь отпрянул и непонимающе уставился на него.

– Ты слишком сильно головой ударился? Рассудок потерял?

– Вовсе нет. Я уже пытался сбежать, но не вышло, как и всегда, и мечтал, чтобы кто-нибудь похитил меня.

Пленник сказал это невозмутимо, не выразив ни капли эмоций. Шаньдянь снова встал к нему почти вплотную и вгляделся в его лицо: утонченное, будто выточенное из фарфора, с правильными чертами, оно излучало бледное жемчужное сияние. Замерев, молодой господин не смотрел на него, и тени от нежно-голубых пушистых ресниц падали на его окрашенные в золотистый цвет щеки.

– Точно больной, – Шаньдянь отодвинулся от него и отступил на пару шагов. – Неудивительно, что тебя поселили так далеко от Дворца Непорочности, должно быть, Истребитель стыдится, что у него уродился слабоумный, – издал он презрительный смешок.

По лицу белокожего юноши пробежала мимолетная тень, которая не укрылась от глаз оборотня.

– Я в своем уме, но Шэн Ли взаправду презирает меня, – Шаньдянь вскинул бровь, но не успел он задать вопрос, как юноша опередил его: – Вы ведь демон, верно? Я слышал звериный вой ночью. Должно быть, это были яо.

Шаньдянь коротко хмыкнул.

– Значит, вы хотите пытать меня, а потом убить, – вздохнул человек, и по его интонации было непонятно, утверждает он или вопрошает. – В таком случае я не буду сопротивляться. Я готов к смерти. Тогда я стану по-настоящему свободным, – все также бесстрастно проговорил он.

– Даже не будешь молить о пощаде? – прошипел оборотень.

Юноша равнодушно покачал головой. Его поведение выбивало всегда уверенного в себе Шаньдяня из колеи, он пребывал в недоумении и замешательстве, а еще – глубоком разочаровании, ведь он так любил жалобные крики, мольбы и рыдания последователей Клана Священного Пламени.

– Да что с тобой не так?! – раздраженно вскричал он и, вытащив кинжал из-за пазухи, вонзил его в стену у самого уха жертвы. Та не шелохнулась, по-прежнему не поднимая глаз.

Раздраженно вздыхая, Шаньдянь прошелся взад-вперед по комнате. По полу растекались капли воска, шуршал длинный подол накидки, вышитый фиолетовыми облаками с ломаными линиями серебристых молний. Лан-яо чувствовал, как внутри разливается досада: он не получит никакого удовольствия истязая этого ненормального, а ведь он так предвкушал поиздеваться над сыном самого Шэн Ли!

Вдруг в его сознании мелькнула догадка, когда он вспомнил затянутый пеленой взгляд юноши прошлой ночью. Развернувшись, он быстрым шагом подошел к пленнику и поддел изогнутым когтем его подбородок, заставляя поднять голову. Полуприкрытые веки юноши дрогнули, на миг открыв туманные, ледяные очи.

– Почему отец презирает тебя? Ты что, слеп?

Помолчав пару мгновений, тот ответил:

– Верно. Но отвергнул он меня по иной причине.

– По какой же? – протянул Шаньдянь, угрожающе нависнув над ним.

Юноша медленно вскинул голову и обратил взгляд туда, где, по его ощущениям, должны были находиться глаза оборотня.

– Я сын принцессы русалок Шуйму, – медленно проговорил он.

Лан-яо приподнял брови, молча разглядывая красивое лицо пленника. На лице демона заиграли желваки. «Полукровка, значит», – мрачно подумал он.

– Я слышал, что принцесса морского народа угодила в плен. У этого подонка целый гарем во дворце! И много таких, как ты, у него выродков? – выплюнул Шаньдянь.

– Да, – сухо отозвался пленник. – Но он убивает их сразу после рождения. Я единственный, кого он оставил в живых, потому что родился от представительницы правящего рода и имею ценность. Украв мою мать во время битвы с морским народом, он запечатал ее сущность и наложил на нее заклятье Цепей. Он сделал ее своей наложницей и угрожал царю цзяожэней Сюаньво, что убьет ее, если тот не сдастся. Шэн Ли уничтожил моего деда и пленил его армию, но некоторым русалкам удалось скрыться в морской пучине.

После того, как у матери родился я, он также запечатал мои силы, и теперь использует меня как рычаг давления на цзяожэней – если те вновь посмеют поднять восстание, он уничтожит меня, наследника Сюаньво.

Шаньдянь кивнул. Двадцать лет назад цзяожэни напали на Яньчжичэн, главный порт страны, утопив его вместе со всем южным берегом Цигу. Способные властвовать над водой, насылать цунами и призывать ливень, они представляли большую проблему для главенствующего в империи Клана Священного Пламени.

– Если ты так ценен для отца, почему же он отправил тебя в захолустье? – склонил голову, оскалившись, демон.

– В наказание. Отец всегда ненавидел меня и не желал даже смотреть на меня – ему нравится развлекаться с красавицами, но противна сама мысль, что они могут родить от него детей. Недавно я нарушил запрет, попытавшись помочь матери и отыскать способ, как снять с себя печать Гнета, а также поссорился с братом. Поэтому меня отправили в заточение, – ровном голосом сообщил русал.

– Мы можем извлечь большую выгоду, взяв тебя в заложники, – помолчав, заключил Шаньдянь, медленно двигая пальцами возле щеки юноши и покалывая ее острыми кончиками когтей. – Наверняка твой отец захочет вернуть тебя обратно, рыбешка.

– Вы так в этом уверены? Хотите использовать меня для шантажа? Для Шэн Ли я не более, чем удобный инструмент. Со своей силой он сумеет разобраться с цзяожэнями, даже если они вновь устроят бунт. К тому же, – он сделал паузу. – Вы сможете извлечь из меня пользу иным, более эффективным способом.

– Какой смелый! – расхохотался Шаньдянь и стиснул зубы, рыча русалу прямо в лицо. – Торговаться вздумал? Какая же польза может быть от тебя, слабого, слепого, лишенного сил? Что ты предложишь? Я слышал, что слезы цзяожэней превращаются в жемчужины. Поверь, я знаю много способов, как заставить тебя плакать, – кровожадно улыбнулся он. – Ах, ведь еще плоть русалки может исцелить любую болезнь и дать бессмертие, – волк провел когтем по коже в вырезе халата, оставив неглубокую царапину. На груди напрягшегося пленника выступили капли крови. – Позволишь нам отрубить твою руку?

Лицо юноши впервые за все время разговора побледнело, став мертвенно-серым, в мутных радужках заклубился страх, и Шаньдянь удовлетворённо улыбнулся, прищурившись, будто довольный кот.

– Я шу-чу-у, – пропел он на ухо пленнику и вновь рассмеялся. – Неужели ты думаешь, что мы бы стали уподобляться твоему проклятому папочке, который всех, кроме человеческого рода, считает скотом на убой? – яростно отчеканил Шаньдянь. – Так что, может, ты знаешь техники и печати, которые используют люди Клана Священного Пламени?

– Нет, меня не допускали к обучению. Но пусть я слеп, это не помешает мне использовать мои силы, которые я стремлюсь вернуть. Вы ведь тот самый Черный волк Ока Шторма, один из сильнейших демонов в числе Восставших? – уточнил пленник и глубоко вдохнул. – Я чувствую от вас свежий и резкий запах, как во время грозы.

Шаньдянь хмыкнул, ничего не ответив.

– Вы управляете молниями, а цзяожэни могут управлять водой, – продолжил русал. – Она – лучший проводник электричества. Я бы мог оказывать вам поддержку в бою. Ведь моя цель совпадает с вашей – я тоже хочу избавиться от своего отца.

– Ах, до чего же изобретательны становятся люди, когда пытаются сохранить свою никчемную жизнь! – всплеснул руками Шаньдянь и резко схватил пленника за горло. – Думаешь, я глуп? Попытаешься втереться в доверие, чтобы потом попытаться улизнуть?

– Зачем мне… это, если вы все равно поймаете меня? – прохрипел юноша. – Зачем… возвращаться в клан, где меня все… презирают?

– А зачем мне нужен ты, если я могу сделать своим напарником любого цзяожэня, которых мы освободили?

– Но между уровнем сил… простой русалки… и русалки королевского рода огромная пропасть, – молодой господин кашлянул, пытаясь втянуть в себя воздух. Шаньдянь чувствовал,

как отчаянно пульсирует жилка под его пальцами. – И вспомните, по какой еще… причине… русалки представляют для Шэн Ли проблему?

Шаньдянь застыл, осознавая, на что намекает пленник, и медленно разжал хватку на его шее. Юноша шумно задышал, подавшись грудью вперед.

– Вы можете очаровывать людей голосом, – пробормотал оборотень. Помимо полного контроля над водой, у цзяожэней были сказочно-прекрасные, чарующие голоса, а их пение вызывало у слушателей эйфорию.

– Да, но если обычные цзяожэни могут лишь сбивать людей с толку, то правящий род способен дурманить их разумы настолько, что они пойдут за нами куда угодно, – отдышавшись, напомнил юноша. – Именно поэтому отцу было так сложно подавить восстание – чары русалок способны конкурировать с заклятием Цепей. А мои способности могут быть усилены тем, что я не только сын принцессы русалок, но и…

– … сын бога… – закончил за него пораженный Шаньдянь.

Сотни лет назад Шэн Ли был выдающимся героем, спасителем человеческого рода, который поборол нечисть и позволил смертным не трястись каждый день от страха, боясь за свою жизнь. Он вернул мир к равновесию, и за это Небо позволило ему вознестись в ранг божеств. Но период гармонии длился недолго – овладев невероятной мощью божественного пламени, Шэн Ли, питающий ненависть к нечисти в течении всей своей жизни, решил полностью подавить их. Во время Испепеления он обратил в пыль всех, кто рьяно пытался воспротивиться ему, а потом начал охоту на магических существ, которая длилась уже двадцать лет.

Ничего не сказав, Шаньдянь порывисто развернулся и выбежал из комнаты.

***

– Я не знаю, насколько он будет нам полезен! – взмахнул рукой Шаньдянь, недовольно кривясь. Владыка Кошмаров, сидящий на столе среди горы свитков, не смотрел на него, куря трубку. – Может, он вообще врет, что он цзяожэнь! Возможно, использовать его как заложника ради наших целей будет лучшим вариантом.

– Мы можем извлечь выгоду из способностей этого мальчишки, если снимем с него печать Гнета. Вот только мы до сих пор не выяснили, как это сделать, – задумчиво произнес Владыка.

– Что, если мы потребуем у Шэн Ли способ снятия печатей взамен на его сына? – предложил Шаньдянь, остановившись и поставив руки на узкие бедра.

Владыка бросил на него скептический и презрительный взгляд.

– Ты всерьез думаешь, что Истребитель согласится раскрыть столь важную информацию ради ребенка, которого он презирает? Он не настолько ценен для него, – фыркнул он.

– Тогда на что мы можем его выменять? – цыкнул Шаньдянь. – На раскрытие их техник? Освобождение наших сородичей?

– Возможно, мы совершили ошибку, – нахмурился Владыка. – Шэн Ли ничего не стоит избавиться от дитя нечисти. Но если мы снимем с мальчишки печать… И с его помощью присоединим к Восставшим оставшихся цзяожэней… Это сыграет нам на руку.

Глава вторая

Личный раб

Хайфэн пошевелил щиколоткой, разминая ногу. Ступня коснулась шершавой и чуть влажной стены за его спиной. Было холодно, из-а чего обнаженные голени и предплечья юноши покрылись мурашками, и в то же время душно, воздух с трудом проникал в легкие. В который раз он тяжело закашлялся, и онемевшие руки заныли еще сильнее: ледяной металл натер тонкую нежную кожу.

Он не знал, куда его заточили, но догадывался, что место находится глубоко под землей: об этом ему подсказывали затхлость и чувство неподъемного давления, окружающего со всех сторон. Если Восставшие нашли убежище в подземельях, неудивительно, что клан до сих пор

не смог отыскать его: почва препятствовала точному распознаванию ци. Пусть Хайфэна никто не учил обращаться с ци, он мог определять энергию: будучи слепцом в мире заклинателей и нечисти он мог выжить, только если распознавал, кто его окружает и как далеко угроза. И сейчас каждой клеточкой своего тела он чувствовал, что каждый цунь пространства здесь пропитан мертвой, гнилостной ци и духом разложения. Наверняка это место было древней усыпальницей.

Хайфэн не видел с самого рождения, он привык жить в непроглядном мраке и ориентироваться по звукам, запахам и ощущениям. Оставшись наедине с собственной беспомощностью, едва слышимым капанием воска и шипением огня, он терпеливо ждал, когда за ним вернется волк-яо или кто-либо другой. Голова гудела, сознание мутилось, горло пересохло от невыносимой жажды, желудок сводило от голода и тревоги. Как бы он не заставлял себя сохранять хладнокровие, это слабое тело молило о пощаде вместо него.

Обессиленный, Хайфэн низко свесил голову, чувствуя, как сознание покидает его. Он сделал, все что мог, его слова были правдой, но он понимал, что надежда на то, что демоны прислушаются к нему и возьмут его, сына их заклятого врага в свои ряды, ничтожна мала. Возможно, они вовсе не поверят в то, что он – сын принцессы Шуйму.

Но этот оборотень, чей низкий голос был вкрадчивым и в то же время рычащим, утробным, как у дикого зверя, каблуки чьих сапог ритмично стучали по полу, а запах был мускусным, животным, но с отчетливыми нотами грозы, похоже, заинтересовался в нем. Хотя, может, Хайфэну лишь показалось.

Он лишь хотел, чтобы мучения скорее закончились. Если он не нужен им, пусть убьют, да побыстрее. Вот только лан-яо не успокоится, пока не помучает его – русал уже догадался об этом.

Из беспамятства его вырвали скрежет двери, знакомые шаги и два источника темной, чудовищной ци, от которой сердце замирало в груди, дыхание обрывалось, а кожа покрывалась ледяными мурашками, будто чешуей – чешуей, которой у Хайфэна не было…

– Проснись, рыбешка, – грубо бросил ему оборотень, цепко схватив за волосы. Сердце Хайфэна упало при мысли, что сейчас его начнут пытать.

– Правду говорят, что цзяожэни одни из самых красивых существ, – протянул другой голос, звонкий и мальчишеский. «Ребенок?» – изумленно подумал пленник. Его энергия была ощутимо сильнее ци волка. Если у последнего она была агрессивной и колючей, то у нового демона – всепроникающей и ленивой, будто всю комнату заволок туман, чьи клубы медленно расползались вокруг. – Его облик и впрямь… поражает.

– Это да, было бы жаль портить такое личико, – хмыкнул яо, отпустив пряди Хайфэна и проведя когтями от скулы до подбородка – невесомо, но юноша в который раз затаил дыхание от того, насколько они были острыми. Он стиснул челюсть и поджал губы.

– Смотри-ка, ему это не нравится! – хохотнул его похититель. – Или не любишь, когда о тебе говорят как о кукле?

– Шаньдянь, – устало окликнул его мальчик, и оборотень отстал от него. Хайфэн незаметно выдохнул с облегчением.

Зашуршала ткань, судя по звуку – шелковая, и русал ощутил приторно-сладкий дымный запах. Тонкие ледяные пальцы коснулись его лба.

А затем в лицо Хайфэну дыхнул влажный, гнилостный туман, забивая пот и ноздри. Он задохнулся, а его сознание наполнилось какофонией чужих голосов: детских и взрослых, мужских и женских:

– Сын нечисти, какая мерзость!

– Почему господин не убил его?

– Я не хочу даже притрагиваться к нему!

– Чудовище!

Юноша шумно задышал. Он будто наяву чувствовал чужую злобу и брезгливость, боль от синяков, оставленных братьями, пощечину, которую влепил ему отец…

Так же неожиданно, как возник, морок схлынул с него.

– На нем и правда лежит печать, – заключил демон-ребенок. Его пальцы подцепили край халата и отодвинули его в сторону, обнажив татуировку в виде иероглифа четко на месте сердца. В глубине души Хайфэн радовался, что не может увидеть его – но чувствовал на своей коже и отчаянно жаждал убрать. Он не раз царапал его ногтями, но это было бесполезно. – И судя по его кошмарам, не думаю, он не врет.

– То, что его силы запечатаны, я и так понял. Но цзяожэнь ли он?

– Да. Шаньдянь сказал, что ты пытался узнать, как снять печать, – надменно, не скрывая пренебрежения и злости, обратился к Хайфэну обладатель детского голоса. – Это правда?

Юноша слабо кивнул.

– Как ты пытался сделать это, если ты слеп?

– Попросил служанку отыскать книги в библиотеке и прочитать их мне в обмен на то, что я подарю ей мои жемчужные слезы, которые она сможет продать… Но нас быстро раскрыли и… ее убили.

– Ясно, – голос демона-мальчика отдалялся: он собирался уйти.

– Постойте… – выдавил Хайфэн. – Что вы будете делать со мной?

– Я обдумаю, как с тобой поступить. Повесишь пока здесь. Шаньдянь, принеси ему еды и воды, чтобы не помер, – последовал холодный ответ.

***

Казалось, прошла вечность, прежде чем сквозь неясные, беспорядочные сны, состоящие из мимолетных ощущений и обрывистых фраз, звучащих то шепотом, то рявканьем, пробились звуки из реального мира. Щелкнул ключ, скрежетнула дверь, застучали подошвы сапог. Хайфэн, изнеможенный, ослабевший до предела, мучимый постоянной жаждой и едва способный дышать из-за дурманящего свечного дыма, густым сладко-горьким смогом заполняющего легкие, уже не ожидал, что кто-то вспомнит о нем. Шаньдянь дал ему напиться и поесть – какой-то ужасной мясной похлебки, после которой юношу чуть не вырвало – лишь один раз после ухода второго демона. Хайфэн не чувствовал своих рук, тупая боль, к которой юноше было не привыкать, вгрызлась в кости, а когда он пытался двинуть запястьем, что-то тихо хлюпало. В его замутненном разуме не было ничего, кроме муки и безнадежности.

Поэтому, когда в воздухе что-то просвистело и об оковы на его запястьях ударилось нечто металлическое, он решил, что ему это снится – а может, он вовсе уже умер. Безвольное тело упало на грязный и холодный, покрытый гладкой корочкой застывшего воска пол, колени пронзило болью, но не успел юноша рухнуть лицом вниз, как кто-то подхватил его, грубо вздернув за ворот халата так, что треснула и порвалась тонкая ткань.

– Просыпайся, – бросил ему обладатель низкого голоса, Шаньдянь. – Или мне приволочь тебя к нашим лоточникам? Супа из копченой рыбы у нас давно не было, – жутко рассмеялся лан-яо.

Его слова доносились словно сквозь глухую стену, Хайфэн едва улавливал их и не отреагировал, когда его встряхнули и похлопали по щекам.

– Воды… – с трудом прохрипел он.

– Дай ему, – приказал демон-ребенок. – Он должен прийти в себя.

Его опустили на землю, порывистые шаги отдалились в коридоре, а затем зазвучали вновь. Шаньдянь схватил его за подбородок, едва не поцарапав когтями, и поднес к губам кувшин. Судорожно вздохнув, Хайфэн припал к горлышку, делая жадные глотки. Приятная прохлада стекала по горлу, возвращала силы, проясняла разум. Сколько он себя помнил, вода всегда оказывала на него благодатное, целительное воздействие, поэтому он отчаянно тянулся к ней, но слуги ограничивали доступ к источникам воды, не позволяли слишком долго прово-

дить время у озера в дворцовом саду и совершать омовение. Они никогда не приносили ему кувшин воды, ограничиваясь лишь пиалой. А отец и вовсе отправил его в усадьбу с пересохшим прудом – жестокая насмешка над тем, чью истинную сущность породило море.

Он бы выпил кувшин до дна, но Шаньдянь резко оторвал его от губ, не дав полностью утолить жажду. Но все же Хайфэн сумел приоткрыть веки и приподнял голову к похитителям.

– Ты остаешься у Восставших, – холодно объявил мальчик. Он стоял справа, в нескольких шагах от Хайфэна. – Мы поможем тебе снять печать, – юноша, привалившийся к стене, медленно выпрямился, на лице его проступили изумление и недоверие. – У меня есть мысли, как можно сломать ее. Но вместе с тем, – повысил он голос, и Хайфэн почувствовал на себе его строгий взгляд. – ты должен доказать свою верность. Ты своими руками убьешь заклинателей Клана Священного Пламени. И так как мы не знаем, как много времени потребуется для снятия печати, ты уже сейчас начнешь учиться управлению ци, чтобы быть в силах постоять за себя.

– Но, – протянул Шаньдянь над головой Хайфэна. – Все мы не доверяем тебе, и каждый обитатель этих подземелий готов вырвать твое сердце просто потому, что ты сын Шэн Ли. Будет досадно, если это случиться, не находишь? Ведь если ты докажешь, что ты на нашей стороне, мы не можем потерять тебя так же, как не можем позволить заклинателям отыскать тебя и забрать к твоему папочке. Поэтому, чтобы защитить тебя от других существ и экзорцистов, ты будешь всегда следовать за мной, как тень. А точнее, – он резко наклонился, снова вздергивая пленника с пола. – как мой раб.

Хайфэн оцепенел, внутри у него все похолодело и сжалось, а Шаньдянь расхохотался, и его раскатистый, громоподобный смех отразился от стен многократным эхом.

– Забавно, не правда ли? Твой отец поработил всех магических существ. Так почувствуй себя на их месте. Ты станешь моим слугой и будешь делать всё, что я скажу. А если будешь противиться, то знай, я умею делать больно, – хищное шипение окутало его, скользкими змеями заползая в уши.

В его душе будто треснул лед, пропустив наружу сочащиеся подобно ранам струи воды, вместе с которыми утекали эмоции, весь гнев, обида и отвращение, что он копил в себе долгие восемнадцать лет. Хайфэн питал к Шэн Ли неутолимую ненависть, проклинал за его злодеяния, за то, что поставил на колени морской народ, превратил его мать в пустую оболочку, говорящую куклу. Отец был его врагом так же, как врагом всех магических существ.

– Я не считаю себя его сыном, – процедил он. Его голос дрожал и звенел, будто грозящие вот-вот обрушиться сосульки. – Я ненавижу его так же, как и вы! Я цзяожэнь!

Вдруг тело Хайфэна пронзила обжигающая, жалящая боль, будто вокруг рук, спины и животы обвилась змея из резко покалывающих иголок. Юноша громко ахнул, не в силах побороть охватившую его мелкую дрожь, и до крови прикусил губу. Пытка была совсем короткой, как вспышка, но даже эти мгновения были агонией.

«Шаньдянь ударил меня разрядом молнии», – понял он.

– Но в твоих жилах течет его кровь, – ядовито прошептали ему на ухо и отстранились. – К слову, о ней…

Оборотень схватил его за дрожащую руку и дернул ее вверх. Опухшего запястья коснулось что-то влажное и горячее, и Хайфэн невольно вздрогнул, чувствуя, как от лица отхлынула кровь.

– Что вы?..

– Соленая, – перебили его. Шаньдянь облизнул язык. – Людская сладкая и насыщенная, а твоя водянистая какая-то. Но тоже ничего, зато освежает.

Он отбросил его руку, и Хайфэн, подавляя в себе рвущееся наружу возмущение, прижал запястье к груди. Он знал, что среди нечисти полно безумцев, но не ожидал, что лан-яо будет иметь страсть к питью чужой крови, будто он цзянши .

– Можешь пить его кровь хоть каждый день, он все равно не посмеет сопротивляться, – издал смешок демон-ребенок. – Но не допусти, чтобы он слишком ослабел или погиб. Держи себя в руках, Шаньдянь. И будь осторожен с энергией, – добавил он, и шелест его одеяний затих у выхода из комнаты.

Хайфэн остался с лан-яо наедине. В груди у него потяжелело.

– Пошли, – бросил ему оборотень. – И с этого дня зови меня «хозяин».

Цзяожэнь с трудом поднялся на ноги, пошатываясь, чуть не упал из-за накатившего головокружения и дурноты. Он уже понял, что свечи в камере были непростыми – из-за их дыма он чувствовал себя очень слабым.

Неуклюже добравшись до двери, Хайфэн вышел в коридор и поплелся следом за Шаньдянем. Юноша вдохнул затхлый, сырой, отдающий сладковатой гнилью и увядшими цветами воздух, который казался ему свежим по сравнению с дымом, что пропитывал его легкие все это время. Босые ноги шлепали по холодному, шершавому и слегка влажному камню. В тишине слышалось тихое, едва уловимое потрескивание и шипение – воззвав к своему духовному чувству, Хайфэн догадался, что подземелье освещают призрачные огни.

Недовольный Шаньдянь несколько раз подгонял его и, в конец разозлившись, схватил за поврежденное запястье и потащил за собой. Морщась от боли, Хайфэн с трудом поспевал за ним. Лабиринт пустых коридоров казался бесконечным, пока не послышался гул голосов и юноша не ощутил, что воздуха стало больше, а пространство вокруг него заметно расширилось. Шаги Шаньдяня ускорились еще больше, и он втащил русала в толпу нечисти, заполонившей главные залы. В нос Хайфэну ударила смесь множества запахов – он смрада мертвечины до аппетитного аромата специй и пленительного благоухания женских духов. Все вокруг было пропитано тяжелой, гнетущей, внушающий безотчетный страх темной энергией множества существ, которая пришибла цзяожэня к полу, будто молотом по наковальне. Его голова кружилась, а рассудок помутился. Острый слух юноши различал рычащие, визжащие и бархатистые голоса, шорох ткани, стук сапог, дыхание и храп множества существ – некоторые местные обитатели спали. Хайфэн гадал – сколько сейчас времени? День или ночь?

Шаньдянь буквально несся вперед, и изможденный Хайфэн постоянно спотыкался о чужие ноги, но не мог даже упасть – оборотень резко вздергивал его обратно. Он и сам желал скорее убраться из этого переполненного зала – до того, как его похитил Шаньдянь, он никогда не сталкивался с нечистью и тем более не находился посреди такого огромного сборища. Ему приходилось подавлять дрожь от того, насколько неуютно он себя чувствовал в этом месте.

Внезапно сонм голосов притих, и юноша нутром ощутил на себе чужие взгляды, впившиеся в него.

– Это он! – взвизгнул какой-то демон. – Сын Истребителя!

– Убьем его!

– Пусть поплатится за своего отца!

Хайфэн и моргнуть не успел, как его оглушил лязг оружие, толпа забурлила и закипела, и сразу десяток демонов бросились к нему.

Одновременно с тем, как Шаньдянь толкнул его себе за спину, в зале взорвался раскат грома, из-за которого содрогнулся потолок. В резко наступившей тишине сверху посыпались мелкие камешки и пыль. Хайфэн медленно поднял голову, чувствуя перед собой высокую и напряженную фигуру, от которой резко запахло озоном.

– Кто-то позволял вам прикасаться к нему? – процедил оборотень. – Он ценный пленник, и как бы вы не желали вырезать всех отпрысков Шэн Ли, мы не можем убить его. К тому же, он теперь мой раб, моя собственность, и я прибью любого, кто покусится на него, поняли?!

В звенящей тишине раздались несмелые бормотания, кто-то со стонами поднялся с пола, и толпа с шелестом отхлынула от них с лан-яо, будто морской отлив. Хайфэн ощутил, как

его рывком подняли в воздух, и в следующий миг обнаружил, что висит на чужом плече вниз головой. Шаньдянь побежал прочь из зала.

«Теперь хотя бы другая нечисть не будет лезть ко мне. Наверное», – мрачно подумал Хайфэн, болтаясь вниз головой. Однако ему не понравилось, какими словами оборотень защитил его – участь быть игрушкой в его руках нисколько его не прельщало. Он испытывал лишь слабую благодарность за то, что Шаньдянь вытащил его из заброшенной клановой усадьбы, но в остальном испытывал к нему стойкую неприязнь, и если бы его силы не были запечатаны, заставил бы волка захлебываться водой так же, как тот пускал по его телу разряд молнии. Несмотря на то, что всю жизнь над Хайфэном издевались, и его унижали, он вовсе не был лишен гордости – ведь помнил, кто он есть на самом деле.

Спустя несколько минут Шаньдянь отворил какую-то дверь и бесцеремонно швырнул его на пол. Хайфэн тихо вскрикнул от боли и сразу сел, втягивая носом воздух и чувствуя облегчение от того, что скопление скверны осталось позади – пусть все подземелье было пропитано вездесущей сыростью и могильным духом. В помещении пахло уже знакомым животным запахом, влажной шерстью, камнем и металлом.

Ничего не объяснив, лан–яо шагнул куда-то и сунул Хайфэну в руки глиняную плошку.

– Ешь.

От варева несло кровью, и юноша с трудом проглотил ком в горле. Вдруг к нему пришла ужасная мысль: не из человека ли оно? Но принюхавшись, различил запах утятины. Да к тому же, стали бы его кормить человечиной, которую с таким удовольствием едят демоны? Хайфэн осторожно сделал глоток супа: наваристого, мясного и жирного, с горькой терпкостью незнакомых трав и кислинкой диких ягод.

Когда он закончил есть, оборотень снова потащил его за собой по коридорам. Воздух стал более влажным, и войдя в новый зал, Хайфэн почувствовал на коже касание облаков густого пара. Камень под ногами был мокрым и скользким, с потолка капала вода. Внезапно юноша почувствовал себя лучше и как зачарованный пошел вперед, вытянув перед собой руку. Нащупав ступней край каменного бортика, он опустился на колени и дотронулся пальцами до глади. Вода была приятной, мягкой и очень теплой, почти горячей.

Рядом что-то шлепнулось, и юноша пришел в себя. Коснулся мокрыми пальцами кучи одежды, каждую бросил ему Шаньдянь.

– Помойся, ты грязный, – фыркнул тот.

Поджав губы, Хайфэн встал и взялся за края халата на груди, не двигаясь.

– Чего встал? – нетерпеливо спросил лан-яо.

– Вы не уйдете, правильно я понял?

Оборотень хмыкнул.

– А ты что, стесняешься? Мы же оба мужчины.

Однако все же отошел подальше, и Хайфэн, быстро скинув с себя одежду, забрался в горячий источник. Вода, нежно обволакивая кожу, расслабляя мышцы и грея кости, притупила боль. Юноша откинул голову на бортик, вдыхая тяжелый пар. Полежав немного, он плавно поплыл вперед, разгребая руками воду, чей спокойный и размеренный плеск был него лучшей мелодией. Никто не учил Хайфэна плавать, но этот навык всегда был в нем вместе с русалочьей кровью, и даже печать Гнета не могла подавить его. Юноша нырял, касаясь руками дна, и шумно выплывал обратно, мечтая о том, чтобы его ноги обратились в чешуйчатый хвост. Он чувствовал, что Шаньдянь все равно смотрит на него, но не придавал этому значения.

– Вылезай уже, – спустя долгое время резко приказал оборотень, и Хайфэну пришлось повиноваться. Длинные мокрые волосы потяжелели, коконом облепив тело с головы до ног. Юноша надел короткий халат и штаны. Из грубой ткани, старые и протертые на ощупь, они висели на нем мешком, край халат постоянно норовил спасть с узкого плеча.

– Тебе идет рабская одежда, – ехидно проговорил Шаньдянь, наклонившись к нему, и русалу пришлось приложить усилие, чтобы на лице не отразилось ни одной эмоции.

Они вернулись в ту же комнату, где Хайфэн ел суп. Оборотень приказал ему сесть и опустился на пол сам. Некоторое время висела тяжелая, неуютная, гнетущая тишина. Пока Хайфэн гадал, что Шаньдянь будет делать с ним, яо внезапно спросил:

– Ну и, что ты можешь? Какие-то умения у тебя есть, или все это время ты играл роль фарфоровой вазы, дорогой, ценной, красивой, но не практичной?

– Меня немного обучали наставники, я знаю исторические и даосские трактаты, умею составлять ароматические смеси, играть на гучжэне и петь.

Хайфэн не умел писать, книги ему зачитывали только чтобы он имел хоть какие-то знания о мире. Он мог полагаться только на слух, осязание и обоняние, поэтому ему приходилось заниматься теми занятиями, в которых не было нужды в зрении. Особенно ему нравилось составлять смеси – ароматы приносили ему хоть какое-то удовольствие в запертой комнате во дворце, но по-настоящему талантлив он был в пении – но делать ему это приходилось тихо, чтобы не услышали слуги. Сила цзяожэней была в их голосе, поэтому, когда в детстве он от скуки напивал песенки, его жестко наказывали – боялись, что печать Гнета не сможет удержать его силы очарования и гипноза.

– А танцевать? – усмехнулся Шаньдянь. – Я бы на это посмотрел.

– Нет, – с каменным лицом ответил юноша.

– Жаль, – с притворным сожалением протянул яо. – Хотя я знаю ту, у кого ты можешь этому поучиться. Завтра познакомишься с ней. А сейчас…

На грудь Хайфэну легла когтистая рука. Он целиком обратился в натянутую струну, но не успел отпрянуть, как ощутил слабый выброс темной энергии, и по его груди разлилась резкая, сдавливающая боль, пульсацией отдающаяся в клетке ребер. Юношу мгновенно прошиб холодный пот, дыхание застряло в горле вместе с криком. Он согнулся пополам, но Шаньдянь толкнул его, повалив на пол.

«Неужели он все же решил убить меня?» – промелькнула в его сознании смутная мысль.

Поток темной энергии, вливающийся в его тело, был слабым и тонким, но Хайфэн чувствовал, будто что-то утекает из него – силы, рассудок или сама жизнь. Он задрожал и стиснул зубы, дабы не издать не единого стона. Грудь, на которую будто положили камень, жгло, нервы раскалились, будто по ним пустили разряды электричества.

Перед тем, как провалиться в небытие, юноша с горечью подумал, что, пожалуй, зря мечтал об освобождении из Клана Священного Пламени – ведь теперь он был вынужден всюду следовать за яо, который мучил его при любой возможности.

Глава третья

Ритуал под луной

Шаньдянь сел на старом, прохудившемся матрасе и встряхнул черными лохмами. Рывком встал на ноги и скользнул взглядом по своей комнате – небольшой, но ему многого и не надо. Свет единственного призрачного огонька, летающего из угла в угол, выхватывал из мрака серебристые клинки на стенах, которые он любовно полировал в свободное время. Кроме матраса, нескольких одеял, низкого деревянного стола в середине комнаты и пары сундуков у противоположной стены в ней больше ничего не было.

Не считая распростертого на полу юноши, чьи волосы шлейфом стелились вокруг. Он хмурился во сне, длинные ресницы слегка подрагивали. В лазурном свете он выглядел еще более эфемерным, нереальным.

Отведя от него взгляд, Шаньдянь налил себе в пиалу остывшего с вчерашнего дня кроваво-красного каркаде, опрокинул чашу в рот и подобрал с пола свою накидку. Надев ее, вытащил из-за пояса маленький и тонкий кинжал, который использовал вместо шпильки, обернул вокруг него черные лоснящиеся пряди и закрепил на затылке. Мимоходом бросил взгляд на

свое отражение в широком клинке на стене – из зеркально-металлической поверхности на него глянул юноша с острыми, вытянутыми чертами лица, небрежным хвостом, сережкой в виде серебряного клыка в правом ухе и хищными глазами, густо подведенными черной краской.

Шаньдянь опустился на корточки перед своим новым слугой и похлопал его по щеке.

– Просыпайся!

Русал от неожиданности распахнул огромные глаза. Постепенно придя в себя, он послушно сел и медленно поднялся. Выглядел он вялым и болезненным. Он ничего не сказал, но на хмуром лице его был написан молчаливый вопрос.

Шаньдянь хмыкнул и ткнул его пальцем в грудь.

– Что, плохо себя чувствуешь? Это для твоего же блага. Знаешь, тебе стоит встать на колени и поклониться мне, своему хозяину.

Цзяожэнь опустил руку, лицо его потемнело, челюсть сжалась. Шаньдянь улыбнулся: он испытывал удовольствие, дразня этого притворяющегося бесстрастным мальчишку.

– Мы с Владыкой подумали, что можем воздействовать на печать Шэн Ли противоположной энергией. Твое тело и меридианы страдают от этого, но также страдает и печать. Если я время от времени буду в маленьких количествах вливать в тебя свою ци, печать Гнета будет постепенно истощаться, что позволит легче снять ее, – закатив глаза, пояснил он.

На лице пленника на миг промелькнуло изумление.

— Вот как. Благодарю, – и к ответному удивлению Шаньдяня он в самом деле поклонился ему, сложив руки перед грудью. Густые волосы водопадом упали ему на грудь.

Изогнув бровь, Шаньдянь развернулся к двери и приказал слуге следовать за собой.

По подсчетам лан-яо наступил час Овцы , и в скором времени Курган должен был стать многолюднее. Пусть нечисть не нуждалась в особом отдыхе, часть магических существ все же предпочитали спать или восстанавливать энергию в дневное время. С приближением вечера подземный город постепенно оживал, а после заката по залам и коридорам принимались блуждать гуи, разнося гнилостную вонь, к которой нечисти было не привыкать.

По счастливой случайности, в этот раз по пути им никто не встретился – весть о том, что яо похитили сына Шэн Ли разнеслась уже по всему Кургану, особенно после того, как нечисть увидела цзяожэня своими глазами. Нечисть страстно желала растерзать его, посмотреть на публичную казнь и в последние пару дней постоянно спрашивала об этом у Шаньдяня. Лан-яо прекрасно понимал, что стоит ему потерять пленника из виду, как, несмотря на его угрозу, обязательно найдется тот, кто пожелает отомстить роду Шэн за свои страдания – и мигом прирежет рыбешку у него за спиной. Поэтому Шаньдянь старался по возможности избегать столкновений с жителями подземелья.

Идти было недолго, и вскоре юноша встал у проема в стене, занавешенном цветастой тканью и бусами из цветных сверкающих камней, и поманил цзяожэня за собой.

Эта комната Кургана заметно отличалась от других. Унылые серые стены украшали свитки с живописными цветами, с потолка свисали шелковые и полупрозрачные ткани розовых и красных оттенков. Вместо матрасов по бокам стен стояли большие кушетки с множеством подушек, на полу лежал мягкий ковер из овечьей шерсти, а призрачные огни заменяли алые восковые свечи и ароматические палочки, наполняющие комнату ароматом роз, вишни и пряностей.

Напротив входа за столом с большим, овальным бронзовым зеркалом и множеством фарфоровых флаконов, коробочек из-под косметики и украшений, сидела женщина в кроваво-алом платье, шлейфом раскинувшемся у нее за спиной. На кровати справа, лежа на животе и вытянув вперед руки, дремала еще одна девушка, сплошь одетая в черное, с торчащими во все стороны чернильными волосами, заколотыми гребнем на макушке.

– Мои красавицы, – весело улыбаясь, поприветствовал их Шаньдянь. – Я к вам кое-кого привел.

– О, это же тот самый мальчик, которого мы помогли тебе похитить у клана Шэн, – проговорила томная дева у зеркала, поглядев в гостей в зеркало. Надев золотую сережку с рубинами, она грациозно поднялась на ноги и развернулась к ним.

Шисуань, как всегда, была обольстительна и великолепна – ни одна демоница не могла посоперничать с ней. Изящную фигуру плотно обтягивало алое платье, открывающее покатые гладкие плечи и вырез на пышной груди. Шелк, расшитый золотыми ликорисами, был отделан черным кружевом по краям. Узкую талию подчеркивал широкий пояс, а из струящихся складок выглядывали длинные стройные ноги. Розоватая фарфоровая кожа контрастировала с полными алыми губами, всегда чувственно приоткрытыми, а кукольные, немного остренькие черты лица сочетали женскую зрелость и очарование юности.

– Какой прелестный, – протянула она, коснувшись губ тонкими пальцами с длинными алыми ногтями. Стуча подошвами высоких сандалий, она приблизилась к ним и зашла Шаньдяню за спину, скользнув рукой по щеке цзяожэня. – А-Шань, не одолжишь мне его на ночь?

Хэйин, лежащая на кушетке, сонно приоткрыла круглые бледно-зеленые глаза, светящиеся в полумраке, и, медленно моргнув, приподняла голову и хищно прищурилась, тоже уставившись на русала.

– Смотрю, вы обе страстно любите рыбок, – хохотнул Шаньдянь, всем телом развернувшись к своему слуге, застывшему с каменным лицом, и Шисуань, которая облокотилась ему на плечо и играла длинной прядкой его волос. – Но вынужден вас огорчить, развлекаться с ним я не разрешаю, – Шисуань отвлеклась и обиженно надула губы. – И есть тоже, – добавил лан-яо, обратившись к Хэйин, которая недовольна наморщилась и снова прикрыла глаза, потеряв всяческий интерес.

– Жадина ты, А-Шань, – Шисуань легонько ударила его по плечу. – Похвастаться пришел?

Шаньдянь скосил на нее глаза и высокомерно хмыкнул, после чего дернул на себя стоящего на пороге цзяожэня.

– Шисуань, ты должна научить его управлять своей ци. У тебя, как у полукровки, это скорее получится, чем у чистокровных демонов.

– Учить его? Но это так скучно, А-Шань. Можно хотя бы я буду целовать его в качестве своей награды, м?

– Нет, – вяло огрызнулся оборотень. – Я же сказал, не трогай его. Из него нельзя высасывать ци, помрет еще, и что тогда делать? Он и так слишком слаб.

Шисуань недовольно топнула каблуком и сложила руки на груди, но дулась недолго и в конце концов согласилась:

– Как я могу отказать тебе? Но взамен… составишь мне компанию вечером?

– Вечером я занят, – отрезал Шаньдянь. – Но я не собираюсь никуда уходить. Я буду наблюдать за его обучением, пока он не сможет владеть своей энергией.

Раскосые лисьи глаза Шисуань, подведенные киноварью, заблестели желтыми огоньками, и она просияла, прильнув к лан-яо всем телом, однако тот даже не покраснел.

– Рыбешка, эти прелестные девы – мои правая и левая рука, Шисуань и Хэйин, – бросил он слуге.

– Я слышал о вас, – спокойно произнес тот. – Хули-цзин и мао-яо . Еще вас называют Пожирательница Сердец и Призрачная Убийца.

– А его как зовут? – тонко улыбнувшись, поинтересовалась Шисуань у Шаньдяня.

Оборотень промолчал, внимательно смотря на русала. Тот, помедлив, ответил:

– Хайфэн.

– Госпожа, – напомнил Шаньдянь.

– Что? – нахмурился цзяожэнь.

– Не забывай, что мы – твои господа и благодетели. Я для тебя – господин, она – госпожа. Уяснил? – грозно проговорил оборотень, глядя на слугу снизу вверх.

Хайфэн помолчал, опустив голову и сжав кулаки. Его напряженные мышцы выдавали его внутреннее негодование, но Шаньдяню было абсолютно плевать, что он там чувствовал – напротив, чем больше злости он вызывал у русала, тем будет лучше для него: помимо темной энергии, печать также могла слабеть из-за сильных эмоций.

– Да, господин, – наконец вытолкнул из себя русал, не выдержав давящего на него ожидания лан-яо.

– Думаю, лучше всего будет тренировать его у воды, – Шаньдянь вышел вслед за Шисуань в коридор. Хули-цзин пошла вглубь по коридору, грива волнистых ярко-рыжих волос раскачивалась у нее за спиной, золотые шпильки мелодично звенели. – Но у горячих источников нам могут помешать, – недовольно цыкнул он.

Там, куда они направлялись, нечисть встречалась редко, стены становились неровными и щербатыми. Подземный ход вилял и уходил глубже вниз, гнилостный запах слабел, а влажность усиливалась. Мрак уже не озаряли призрачные огни, поэтому Шисуань вскинула палец, на кончике которого зажегся золотой огонек. Вскоре из темноты донеслось приглушенное журчание, и они вошли в небольшой грот, на потолке которого росли острые, узкие и зазубренные, как клыки пираньи, сталактиты. Скапливающаяся на их кончиках влага собиралась в большие капли и падала вниз, разбиваясь о скалистую породу. В центре пещеры протекал источник, который, насколько было известно Шаньдяню, дальше по течению постепенно расширялся в речушку.

Шисуань остановилась и метнула огонек в охапку хвороста на плоском камне. Пламя разгорелось, освещая каменные наросты дрожащим, тревожным светом.

– Пора приступать, – нежно пропела хули-цзин, обернувшись к стоящему перед ней Хайфэну, однако во взгляде ее не было ни капли доброжелательности – она смотрела на цзяожэня пристально и оценивающе, с долей снисхождения. Шаньдянь, сев на землю и прислонившись спиной к валуну, принялся наблюдать за ними. – Судя по всему, твой презренный клан почти ничему тебя не учил?

– Я самостоятельно занимался медитацией и нахожусь на начальной стадии Заложения фундамента . Я бы сумел продвинуться дальше, но люди клана ощутили, что я занимаюсь самосовершенствованием и… – Хайфэн поджал губы. – Мне пришлось остановить попытки, если я хотел избежать наказания от отца. Госпожа, – добавил он после паузы.

Шисуань кивнула и шагнула к русалу, томно глядя ему в глаза из-под длинных ресниц. Тот напрягся, выпрямившись, а лисица огладила пальцами его плечо и взяла его за запястье, прощупывая энергетические каналы под кожей. Это длилось несколько минут, после чего она отступила, напоследок скользнув рукой по щеке юноши.

– Какая жалость… Ци в его меридианах струится замедленно и прерывисто, – с притворной озабоченностью сказала она Шаньдяню.

– Он ослаб, пока висел в цепях, – пожал плечами он.

– Для начала нужно восстановить ее течение. Погрузись в медитацию, – приказала хули-цзин Хайфэну.

Тот сел у источника, скрестив ноги, и закрыл глаза, сосредоточившись на дыхании и потоках энергии внутри себя.

– Впитывай ци из воды и концентрируй ее в дяньтяне . Представь, что ты и есть море, что каждый твой меридиан – это подводное течение. Дыши медленно и глубоко, – наставляла его Шисуань, кругами ходя вокруг него. Стук ее каблуков создавал хаотичный ритм вместе с бьющимися об пол каплями.

Шаньдянь не зря выбрал Шисуань учителем. Она говорила ему, что сотни лет назад у нее был возлюбленный – юный заклинатель из Клана Божественной Охоты на северо-западе

империи. Он собирался подстрелить ее, но был так очарован ее красотой, что не сумел отпустить тетиву. Втайне они встречались в лесу, она потихоньку поглощала его ци, а он, наивный и доверчивый, рассказывал ей о жизни в клане и своем обучении. Однако спустя год его товарищи проследили за ним, и глава приказал юноше собственными руками убить Шисуань, иначе он с позором выгонит его из клана. Но так вышло, что в итоге хули-цзин убила предавшего ее любовника.

И пусть сама она никогда не занималась светлым самосовершенствованием, познания о нем имела неплохие.

Несколько часов подряд Хайфэн медитировал, восстанавливаясь, и мающийся от скуки Шаньдянь заметил, что осунувшееся, уставшее лицо юноши стало свежее. После того, как они с Шисуань закончили, оборотень попросил ее сходить за едой. Разнесшийся по пещере запах жареной рыбы в специях предупредил о ее возвращении, и Шаньдянь, голодно сглотнув, кинул взгляд на побелевшего Хайфэна.

– Я принесла рыбки. Для тебя тоже, малыш, – Шисуань протянула ему деревянную шпажку с нанизанной на нее цельной рыбиной. – Ну же, кушай, – промурлыкала она.

Хайфэн взял шпажку деревянными пальцами, некоторое время смотрел на нее пустым взглядом, а затем сдержанно произнес:

– Я не буду, госпожа.

– Если ты не съешь, то я превращу тебя в то, что ты держишь в руках, – угрожающе произнес Шаньдянь, вскинув руку. Меж его когтей затрещали разряды молнии. Он тоже очень хотел посмотреть, как русал – наполовину человек, наполовину рыба – будет есть жареного карпа.

Хайфэн сцепил зубы, упрямясь, но пробежавшаяся по его телу молния заставила его послушаться. Согнувшись пополам и содрогаясь от затухающих искр боли, он откусил от рыбы кусочек и принялся медленно жевать, едва не давясь и оттягивая момент, когда ему придется глотать. Наконец он сделал это, и Шаньдянь с безумной усмешкой наблюдал за его исказившимся лицом. Шэн Ли был известен тем, что употреблял как русалочью плоть, дарующую бессмертие и продлевающую жизнь, так и некоторых яо, различных морских и земных магических зверей, чьи органы являлись сосредоточием их силы. Так пусть же его сын расплатится за это.

Хайфэн давился, будто ел не весьма вкусную рыбу с зажаренной маслянистой корочкой, как любил Шаньдянь, а гнилые отходы, которые жадно доедали обитающие в подземелье эгуи . Но все же русал стоически терпел, пока полностью не обглодал деревянную палочку. Шисуань, как и лан-яо, наблюдала за этим с злобным весельем.

Шаньдянь велел слуге следовать за собой и вернулся с ним к шумным, запруженным залам. Всего их было пятеро – в одном предпочитали находиться яо, во втором – гуи во главе с Гуйму, в третьем – мо , а в четвертом и пятом – более нейтральные по своей сущности существа, среди которых были якши и цзяожэни, одинаково тяготеющие к энергии Инь и Ян и которые также подвергались нападениям со стороны кланов. Но несмотря на условное разделение, местные жители все равно смешивались между собой. Гуаи же обитали на нижних уровнях подземелья, в огромных глубинных пещерах, испещренных сталактитами, где им было просторнее. До того, как в Кургане поселились Восставшие, он не был таким большим – но благодаря общим усилиям превратился в настоящий подземный город.

Таща Хайфэна за рукав, Шаньдянь грозно поглядывал на отвлекшихся от дел существ, буравящих взглядом цзяожэня. Однако в этот раз никто не вставал у них на пути, возможно, потому, что большая часть существ здесь имела более миролюбивый нрав. Шаньдянь ловко обходил кое-как сколоченные лавки и табуреты, украденные где-то расписные, поблекшие ширмы, зачем-то притащенные под землю иссохшие от темной ауры растения в горшках – в центре зала даже росло большое, но заметно потемневший и скрюченный клен, на чьих ветвях висели потрепанные цветные ленты, и вездесущие гробы, на которых нечисть дремала и пила

вино, играла в маджонг. Из внутреннего содержимого этих самых гробов сделали клинки и использовали в качестве различных инструментов – осквернённые останки могли послужить серьезным оружием в руках проклятых порождений тьмы. Однако по большей части захороненные здесь люди уже обратились в прах.

В углу зала находился крупный бассейн с каменными бортиками: цзяожэни сами наполнили его подземными водами, так как горячие источники постоянно кто-нибудь да занимал – за исключением того дня, когда в них купался Хайфэн, Шаньдянь специально приказал не заходить туда. Шаньдянь еще издали разглядел расслабленно облокотившихся и сидящих на бортиках девушек и юношей, расчесывающих пальцами бесконечно длинные влажные волосы зеленых, голубых, синих и фиолетовых оттенков. Каждый из них излучал мягкое белое сияние – значительно более сильное, чем Хайфэн. Если у него сияла только кожа – сама по себе, даже с запечатанными силами, то его сородичи были подобны звездам, разгоняющим густую и липкую тьму Кургана.

Хайфэн за спиной Шаньдяня замедлился, неуклюже спотыкаясь о горшки и задевая проходящих мимо якш плечом.

— Это… – удивленно выдохнул он, когда они еще больше приблизились к бассейну. – Эта энергия…

Русалки уже тоже заметили их, с плеском вылезли из воды и все как один повернули головы. С десяток огромных круглых глаз мерцали, отражая лазурное пламя призрачных огней. Цзяожэни взирали на Хайфэна с изумлением и глубоким замешательством. Шаньдянь едва не расхохотался при виде того, как на их лицах проступает благоговение и восторг, в то время как лица других искажают недоверие и даже ненависть. «Да уж, не сладко придется рыбешке в этой жизни, – подумал оборотень. – Даже среди тех, кому он приходится властелином, будучи прямым потомком Сюаньво, среди тех, кто должен быть предан ему больше всего, он встретит подозрение и недоброжелательность – ведь он не только дитя принцессы русалок, но и того, кто уничтожил их былое благоденствие». Шаньдянь предвкушал, как омрачится лицо Хайфэна, когда он поймет, что даже у подданных его появление не вызывает радости. Может, тогда он наконец прольет свои жемчужные слезы?

Он остановился перед бортиком, сжав когтями плечо стоящего чуть позади русала. Остальные существа вокруг тоже притихли, ожидающие, как встретят сына Шэн Ли сородичи. Цзяожэни молча смотрели на него, и лишь капли воды скатывались по их нежной, белой и полупрозрачной коже, как капли хрустальной росы по лепесткам цветов. Хайфэн тоже не двигался и даже не дышал, приоткрыв рот и широко распахнув глаза, будто пытался увидеть ими что-то, кроме кромешной темноты.

Наконец один из русалов, покрытый бледно-розовыми росчерками шрамов молодой мужчина со сливовыми прямыми волосами и на удивление мужественным по сравнению с другими цзяожэнями лицом – особенно Хайфэном, почти не отличимым от девушки, вытащил сверкающий хвост из воды. Он тряхнул плавником, разбрызгивая капли влаги, в тот же миг хвост его с тихим хрустом разделился, и чешуя испарилась, впитавшись в образовавшуюся на ее месте кожу. Мужчина выпрямился, и достигающие пола локоны прикрыли его наготу.

– Ваше Высочество, – он склонил голову и вытянул руки над головой со сложенными вместе ладонями.

Большинство русалок повторило за ним этот приветственный жест, некоторые из них неуверенно переглядывались и хмурились, но были и те, кто не шелохнулся, по-прежнему испытующе глядя на Хайфэна.

Мужчина выпрямился и сдержанно улыбнулся.

– Вы очень похожи на свою мать, как две капли воды. Я уж было подумал, что ее наконец-то освободили из плена.

– Я пытался помочь ей, воздействовать на заклятие Цепей своей ци, но у меня не вышло, – с сожалением проговорил Хайфэн. – Но я обязательно спасу ее. Я желаю присоединиться к Восставшим, не только чтобы уничтожить Шэн Ли, но и возглавить род цзяожэней в этой войне.

– Ты всерьез думаешь, что мы захотим пойти за тобой, отродьем этого ублюдка Шэн Ли? – выплюнул один из русалов у стены, рядом с ширмой с изображением морских волн.

– Спросил бы нас, хотим ли мы участвовать в войне. Я вот просто хочу домой! – в отчаянии вскричала девушка, так и не вылезшая из воды. Ее сверкающие глаза мгновенно наполни злые слезы, и стекающие по бледным щекам струйки побелели, скатившись с дрожащего подбородка, и затвердели в крохотные жемчужинки, упавшие в воду.

– Я обещаю, что вы сможете вернуться в Бездонное море, – твердо проговорил Хайфэн.

– Да что ты можешь? – пренебрежительно фыркнул тот же юноша с острыми чертами лица. – На тебе же печать Истребителя! Может ее вовсе не удастся снять!

– Для этого ему и необходима ваша помощь, – произнес Шаньдянь. Цзяожэни обратили к нему озадаченные взгляды, а Хайфэн резко повернул к нему голову.

– Вы отыскали способ, как снять печать с Его Высочества? – уточнил мужчина с фиолетовыми волосами.

– Есть ритуал, который может способствовать пробуждению его сил и прорыву печати Гнета изнутри, – дернул плечом оборотень. – Для этого мне нужны четверо добровольцев, – сказал он таким тоном, что русалам стало ясно – если все откажутся, он их заставит. – И имейте в виду, – Шаньдянь усмехнулся. – Может быть больно.

Цзяожэни снова озадаченно переглянулись. Мужчина со шрамами внимательно смотрел им в глаза, будто вел с ними молчаливый разговор, убеждающий в необходимости помощи. Трое цзяожэней среди тех, что до этого поприветствовали Хайфэна, с готовностью кивнули.

– Мы готовы оказать услугу Его Высочеству, что бы нам это не стоило, – поклонился главный среди них. – Освободить от оков наследника нашего народа – честь для нас.

– Не говори за всех, Сунь, – огрызнулась угрюмая русалка с высокой прической. – Не забывай, что он сын Истребителя! – отчеканила она. – Вспомни, что его отец сделал с нашими сородичами!

– Он сын нашей Шуйму, – ответил Сунь, глядя в лицо Хайфэну. – Кем бы ни был его отец, он сам пострадал от него. Пусть он полукровка, он такой же цзяожэнь, как и мы, и он на нашей стороне.

– Неправда! – заспорил юноша, едва не брызжа слюной. – Он наполовину божество! Кровь Шэн Ли делает его проклятым! Кто знает, может он вовсе предаст нас после снятия печати, и с его помощью отец поработит нас всех до единого! И остальную нечисть тоже!

– Да как вы смеете?! – внезапно закричал Хайфэн так, что даже Шаньдянь удивился, разжав хватку у него на плече. – Я не выбирал своего отца! Я ненавижу его может даже больше, чем вы! Он превратил мою мать в марионетку, которая нужна лишь для того, чтобы быть его наложницей, опорочил ее, лишил воли, выбора и даже малейшего сопротивления! Превратил ее в живого призрака! Шэн Ли убил моего деда, вашего царя! Мне противна сама мысль, что я его ребенок! Если бы я мог, я бы избавился от его крови в своих…

Он задохнулся на полуслове, когда его оплела лиловая молния, вызвав судорогу по всему телу. Болезненно вскрикнув, Хайфэн повалился на колени и обхватил себя руками, сжавшись в комок и дрожа. Сквозь ткань рубашки проглядывали позвонки на его изогнутой колесом спине, по которой продолжали вспыхивать и бегать мелкие серебристые зигзаги тока.

– Молчать, – холодно и безжалостно приказал Шаньдянь. – И впредь не говори без спроса, пока я тебе не позволю. Тебе разрешено говорить, только когда тебя спрашивают.

В зале повисла звенящая, гулкая тишина, которую прерывали лишь сдавленные всхлипы Хайфэна. Десятки существ замерли, молча уставившись на тонкого, хрупкого, отчаявшегося юношу. Мелкие разряды ниточками продолжали прошивать его дрожащее тело.

Пересилив себя, он с трудом поднял голову и устремил к Шаньдяню огромные тусклые глаза, завораживающие настолько же, насколько пугающие. И в глазах этих таились нескрываемые обида и ненависть.

– Как бы ты не желал обратного, ты – сын Шэн Ли, и ничего не сможешь с этим сделать, – пугающе спокойно и безжалостно говорил Шаньдянь, глядя на русала у своих ног. – Грехи родителей лежат на плечах детей, об этом все знают. Ты должен целовать нам ноги, что мы еще зверски не растерзали тебя. И твои чувства никому не нужны, – слова слетали с его языка, будто остро заточенные ножи, и обращенное к нему лицо Хайфэна застыло белой маской. – Хочешь доказать, что ты чего-то стоишь – приложи все усилия для избавления от печати и уничтожь кланы вместе с нами. Только так ты можешь искупить свою вину.

Меж бровей Суня, стоящего напротив него, пролегла глубокая складка, но он не высказал своего возмущения из-за такого обращения с русалочьим принцем.

– Хватит терять время, у меня и без вас забот полно. За мной, – приказал Шаньдянь и развернулся, направившись прочь из зала.

– Как я могу быть виноват в том, что родился на этот свет?.. – тихо и глухо прозвучало за его спиной, когда он во главе цзяожэней шел по темным коридорам.

Шаньдянь промолчал, лишь скосил желтые глаза и ускорил шаг. Он не хотел думать о том, что мог быть несправедлив к Хайфэну. Шэн Ли отнял у него семью и друзей, заставил скрываться, сопротивляться и свирепо биться во имя свободы для всех существ. Шаньдянь не мог не испытывать злобу к крови от крови того, кто забрал его младшую сестру – из которого половину девушек выносили мертвыми после ночи с Истребителем, того, кто пустил его друзей и сородичей на мех или загубил их на непосильных работах. Поэтому в лице Хайфэна Шаньдянь видел лишь потенциальное оружие, красивую и интересную вещицу, источник крови и развлечения. Он и так был слишком добр к русалу и решил не пачкать руки его избиением, чтобы он был в силах развивать свою ци.

Они прошли сквозь оставшиеся залы и преодолели запутанные ответвления коридоров – раньше они были прямыми, теперь же намеренно обросли тупиками и тайными ходами. Призрачные огни окрашивали их в таинственную синеву, кромешный мрак резко контрастировал с их белыми раскаленными сердцевинами, слегка пульсирующими, будто маленькие сердечки. Грязный пол блестел от влаги, по тронутым бело-зеленым пятнами плесени стенам разбегались пауки, сколопендры и прочие уродливые насекомые, кое-где стелился черный туман.

Коридоры закончились широкой лестницей, уходящей во тьму. Ее сколотые, полуразрушенные, покрытые трещинами ступени поросли мхом. Подъем казался бесконечным, пока наверху не забрезжил алый свет замысловатой печати, которую сторожили двое демонов. Завидев Шаньдяня, те низко поклонились ему.

Барьер, который было видно только с внутренней стороны, вел к подножью покатого, заросшего бурьяном и сорняками кургана с иллюзорно обвалившимся зевом хода. Вокруг стелился белесый холодный туман, скрадывая очертания высокого сухостоя и черных, изогнутых в агонии деревьев. Время перевалило за час Собаки , и на Ониксовые горы, чьи темные вершины с заснеженными пиками вздымались со всех сторон, опустились сизые сине-лиловые сумерки, будто растворенные в мутной воде чернила. Не было слышно не птиц, ни зверей, могильный холм окружала ватная тишина, которая вместе с туманом глушила даже шаги Шаньдяня – босоногие русалы и так ступали плавно и бесшумно. Неуютное молчание не нарушал никто до самого конца пути, и никто не осмеливался спросить, куда они направляются.

Снаружи Курган хорошо охранялся – на всех близлежащих возвышенностях территорию патрулировали сильные демоны, которые в случае чего могли дать отпор заклинателям из бли-

жайшего Клана Железного Щита и подать сигнал обитателям подземного города. На соседнем высокогорье к западу от могильника, надежно спрятанное за узкими и острыми, подобными устремленными вверх клинкам кипарисами находилось озеро. Пробираясь сквозь заросли и поднимаясь вверх по крутым склонам, над которыми угрюмо нависали черные сосны и ели с колючей мертвенно-синей хвоей, а во влажном воздухе веяло кислым запахом диких ягод и можжевельника, Шаньдянь привел русалок к неподвижному водоему, отражающему кроны деревьев как в зеркале. Вдоль его кромки росли ярко-синие, кобальтовые гиацинты с плотно растущими друг к другу лепестками-звездами.

– Насколько мне известно, вода и лунный свет – то, из чего вы питаете энергию, – Шаньдянь повернулся к стоящим перед ним похожих на статуй цзяожэням с задумчивыми глазами, обрамленными серебристыми ресницами, и одинаковым невозмутимым выражением на лицах. К этому моменту окончательно стемнело, небо налилось бархатистой ультрамариновой синевой, и лунный свет серебрил белые фигуры прекрасных существ – троих мужчин и одной девушки. – Мы попытаемся прорваться к запечатанной русалочьей крови Хайфэна посредством того, что эту кровь пробуждает. Тебе ведь не просто так не позволяли находиться у источников воды? – обратился он к слуге, прищурившись.

– Должно быть, господин, – процедил тот, не поднимая головы.

– Но еще более сильным катализатором послужит то, что уже содержит русалочью магию. Ваша ци, кровь и слезы, – расплылся в ухмылке Шаньдянь, обнажив клыки, и сложил руки на груди. – О, и я с удовольствием могу вам помочь!

– Нет нужды, уважаемый Черный Волк Ока Шторма, – без выражения произнес Сунь. – Мы поняли, что от нас требуется. Наша задача – создать резонанс с истинной сущностью Его Высочества. Это в самом деле может помочь.

По указанию Шаньдяня цзяожэни, ступая по влажной траве, медленно вошли в озеро. Их ноги вновь обратились в хвосты, и они отплыли в разные стороны, заняв позиции на севере, востоке, юге и западе. Хайфэн покорно сбросил с себя рубаху и штаны, открыв взору худые выпирающие ребра и стройные ноги, и тут же прикрылся длинными локонами. Русал прошел мимо цветов, потревожив пышные соцветия, и скользнул в воду следом за сородичами, постепенно погружаясь в нее по грудь и дрожа от холода. Он был единственным, чьи ноги не обратились в хвост.

Шаньдянь приказал ему остановиться, когда он достиг центра озера, и подал знак остальным русалкам. Убывающая луна, ясно проглядывающая сквозь деревья, светила прямо на них, подсвечивая серебристую рябь на озере. Сунь поднял свое запястье и провел по нему длинным ногтем, пуская себе кровь. То же проделали остальные, и град рубиновых капель расцвел на поверхности воды причудливыми цветами ликорисов.

Цзяожэни вытянули вперед руки, из глубоких порезов на запястьях которых продолжала струиться кровь, и закрыли глаза. Их тела засветились ярче, а изящные узкие ладони окутало бирюзовое сияние. Его рассеянные лучи медленно устремились к Хайфэну вместе с алыми струями, расцвечивающими озеро спиральными узорами. Цзяожэни жертвовали свою силу, отдавая ее беспомощному, растерянному наследнику их рода, который вытащил руки из воды. Она вливалась в его хрупкое тело, и, к удивлению наблюдающего на берегу Шаньдяня, белый и размашистый, похожий на шрам иероглиф на груди Хайфэна слабо засветился. У цзяожэня резко перехватило дыхание, и он шумно вдохнул, схватившись за сердце. Шаньдянь видел, что его сущность откликнулась на зов сородичей, но непреодолимая стена в виде печати причиняла ему боль.

Цзяожэни открыли глаза, с беспокойством посмотрев на него, но Шаньдянь махнул им рукой.

– Не отвлекайтесь, он потерпит. Я скажу, если нужно будет остановиться.

Они вновь опустили веки. Хайфэн тяжело дышал, обняв себя за плечи и наклонив голову, так что за локонами не было видно его лица. Девушка-русалка судорожно вздохнула и беззвучно заплакала. Ее собратья также погрузились в свои переживания, их светлые лица омрачились глубокой печалью и скорбью, и вскоре по их щекам тоже потекли слезы. Капая в озеро, они затвердевали в белые жемчужины, которые поплыли к дрожащему Хайфэну вместе с потоками ци и крови. Тот, сжав зубы, не давал вырваться рвущимся наружу стонам.

Вдруг прозвучал бархатистый мужской голос, и Сунь затянул протяжную, тоскливую песнь на одной ноте. Трое других высоких и звонких голосов тут же подхватили ее. Шаньдянь изумленно поднял брови, разглядывая цзяожэней, на чьих щеках, лбу, плечах, предплечьях, ключицах и ребрах поблескивали перламутром чешуйки. Пусть он знал, что на свете нет ни одного существа, пение которого было бы прекраснее и превзошло пение русалок, но даже он – бесчувственный, черствый и жестокий – не мог не признать, что оно было поистине чарующим, пленительным и божественным – будто они были небесными духами, а не нечистью. Их кристально-чистые голоса незримыми, шелковыми серебристыми лентами закручивались вокруг озера, как медленные и ласковые потоки воды. Они вливались в уши, заставляя все тело трепетать, а сердце сильнее биться в груди.

Впервые Шаньдянь задумался, что эти хрупкие, безобидные на вид существа могут быть не менее сильными союзниками, его подчиненные яо. Ранее он не был свидетелем проявления их сил – он и его подчиненные чаще бились вместе с гуаями и гуями, чем иными духами, которыми командовал генерал-якша Нань.

Но прошла минута, как Хайфэн вскрикнул и завалился назад. Плачущие цзяожэни распахнули глаза, и Шаньдянь дал им знак прекратить и махнул рукой Суню, который метнулся было к лежащему на глади Хайфэну. Русалки перестали отдавать свою ци и опустили руки в воду, чтобы дать ранам затянуться, а лан-яо вошел в озеро и, в пару гребков достигнув его середины, взглянул в лицо потерявшему сознание юноше, печать на чьей груди слабо пульсировала. Протянув руки ему под шею и колени, он вытащил его из воды и коснулся когтями метки, сосредоточенно нахмурившись.

На поверхности кожи, в центре иероглифа, проступила крохотная черная трещинка.

Шаньдянь поднял голову и обнажил зубы в усмешке.

– Работает. Печать ослабла.

Глава четвертая

Тоска по морю

Шаньдянь был первым испытанием, которое ниспослало Хайфэну Небо на его пути к восстановлению справедливости и благополучию морского народа.

Так он думал каждый раз, когда по утрам – а точнее в полдень – его поднимали пинком в бок, вздергивали за волосы или вовсе, как на следующий день после ритуала, вгрызались ему в шею. Хайфэн ахнул, когда звериные клыки острыми иглами вонзались в кожу, и Шаньдянь принялся пить сочащуюся из ранок кровь – не жадно, как оголодавший, не контролирующий себя цзянши, а медленно, смакуя, будто хорошее вино, которое нечисть продавала на своем рынке в больших залах. Едва пришедший в себя после распиравшей изнутри боли, возникшей во время ритуала, Хайфэн был слаб, но не смог стерпеть, что к нему относятся как к какому-то животному, словно он и не покидал Клан Священного Пламени. Сцепив зубы, он с силой ударил Шаньдяня кулаком по спине и попытался оттолкнуть от себя, но лан-яо даже не дрогнул, лишь медленно оторвался от его шеи.

В следующий миг тело Хайфэна прошиб разряд молнии.

– Ты же сам сказал, что был бы рад избавиться от крови Шэн Ли, – прошипел ему в лицо Шаньдянь. – А я мечтаю, когда смогу почувствовать ее вкус на языке. Так что не дергайся. Это небольшая плата за все то, что мы делаем для тебя, не находишь?

И Хайфэну снова пришлось терпеть.

Он не мог сказать, что боялся лан-яо с его молниями, но в душе его зрело темное, клокочущее, извивающееся как спрут чувство: смесь отторжения, неприязни, негодования, обиды, стыда и бессилия, который порой вызывал у него Шаньдянь своими речами, действиями и неизменным пронзительным, испытующим взглядом, который жгуче ощущался на коже и преследовал Хайфэна днем и ночью. Но это чувство не было похоже на ненависть, которую он испытывал к Шэн Ли, и не могло разрастись в полную силу – потому что оборотень был не только его похитителем и надсмотрщиком, но и освободителем и единственным защитником в этом копошащемся, скверном гнезде нечисти.

Хайфэн не выносил Шаньдяня из-за всех его издевательств и унижений, но понимал, что он был тот, кто больше всего стремился помочь ему добиться своей цели, цели всей его жизни. Раз в несколько дней, помимо ритуалов с цзяожэнями, он воздействовал на слабеющую печать Гнета темной ци – и пусть это приносило Хайфэну мучения, волк делал это не из прихоти, а чтобы как можно быстрее избавиться от подавляющей магии. Шаньдянь одновременно не щадил его, причиняя боль и позволяя Шисуань доводить своего ученика до изнеможения, и проявлял равнодушие к его чувствам, но в то же время способствовал восстановлению его энергии – приказывал освободить для него горячие источники и приносить к нему в комнату кувшины с водой, чтобы Хайфэн мог пить сколько хочет. Это вызывало в юноше противоречивые чувства признательности и горькой досады.

Нередко, лежа ночами на жесткой циновке, он задумывался о том, что Шаньдянь защищает его и в некотором роде заботится о нем лишь по причине того, что он был ценным боевым ресурсом и союзником в борьбе с кланами заклинателей. Если бы он не был сыном принцессы русалок, то его либо попытались бы обменять на информацию у заклинателей или освобождение пленных, либо жестоко казнили. И если впервые очнувшись в тюремной камере он был готов к смерти – потому что предпочитал полностью освободиться от земных оков, чем продолжать томиться во дворце, где к нему относятся как к грязи, то после согласия демонов снять с него печать Хайфэн решил бороться за свою жизнь – со своими врожденными силами он мог вновь поднять цзяожэней на восстание. Вот только если Шаньдянь мог лишь угрожать ему, и кроме ударов электричеством – его излюбленном методе наказания, редких ударов и укусов никак не вредил ему, так как Хайфэна нельзя было убивать, то другой нечисти было все равно на ценность русалочьей магии, потому что в первую очередь она видела в нем сына заклятого врага, объект для мести.

В тот день, когда лан-яо разбудил его укусом в шею, Владыка Кошмаров отправил Шаньдяня, Шисуань и Хэйин на очередные задания по нападению на заклинателей, поэтому, испив крови Хайфэна, лан-яо запер его в своей комнате с помощью барьера: предосторожность, чтобы ни он не сбежал, ни нечисть не попыталась напасть на него. Отсутствие свободы было тем, что претило Хайфэну с малых лет – должно быть, чувство страдания во время пребывания в заточении передалось ему с кровью матери, ставшей заложницей Шэн Ли. Он мрачных чувств юноша отвлекся с помощью медитации, в которой находился до самого возвращения Шаньдяня. Тот ввалился в комнату с шумным вздохом, и по металлическому запаху Хайфэн понял, что волк либо ранен, либо испачкался в чужой крови – а может, и то, и другое.

Он поднял голову, когда ощутил, что оборотень, покачиваясь, стоит перед его лицом.

– Помоги мне раздеться и обработай раны, – устало проговорил он. Прошуршала одежда, и Шаньдянь опустился перед ним на пол. – На столе есть крепкое вино, мазь и бинты.

Хайфэн пошарил рукой по столу неподалеку, случайно уронив пиалу и заслужив окрик:

– Поаккуратнее там!

Отыскав чашу с недопитым вином и пузатую баночку, из которой пахло чем-то травянистым и горьким, он также захватил кувшин воды. Сев на колени за спиной Шаньдяня, Хайфэн протянул руки вперед. Ладони ухватились за жесткий мех на плечах, потянули вниз, снимая с рук. Шаньдянь не выказал намерения, что собирается помочь ему – значит, не так уж сильно

его раны кровоточили. Пересев и вытянув вперед пальцы, он коснулся голой груди в вырезе одеяния и ощутил, как они покрылись влагой.

– Куда в рану лезешь?! Идиот!

Хайфэн промолчал, поджав губы. Этот проклятый демон позабыл, что он слеп?

Он провел руками вниз, взялся за пояс, развязал его и раздвинул края одежды. Снимая ее с Шаньдяня, он понял, что это хлопковая рубаха с запахом и широкими короткими рукавами. Хайфэн даже не догадывался, как выглядит его похититель – только знал, что у яо есть клыки, которыми он иногда щелкал во время разговора, он очень высокий и подтянутый, но не особо мускулистый. А еще от него веяло животным, звериным жаром и таким же запахом.

За всю свою жизнь Хайфэн прикасался лишь к одному человеку – матери. Еще маленьким он изучал ее лицо ладошками, и даже наощупь понимал, что она красива – черты ее были утонченными, кожа – шелковистой, ресницы – длинными, а волосы, часть которых была острижена у подбородка – гладкими. Порой Хайфэн так же ощупывал свое лицо, рисуя в воображении, как выглядит со стороны, но ощущения говорили ему лишь одно – он очень похож на мать. Внешность других людей его никогда не интересовала – напротив, он радовался, что не видит их лиц, особенно лица Шэн Ли. Но к облику Шаньдяня неожиданно испытал любопытство.

Хайфэн отыскал еще две раны на его руках и, запомнив их расположение, промыл водой, обработал вином, что заставило оборотня зашипеть, наложил мазь и забинтовал. Действовал он механически, без какой-либо заботы, а прикосновения к грубой, шершавой коже Шаньдяня – покрытой потом, глубокими рубцами и росчерками старых шрамов – вызвали у него отторжение. Куда больше русала интересовало, где знаменитый Черный Волк Ока Шторма получил новые ранения.

К его удивлению, тот сказал по собственной воле.

– Владыка поручил мне уничтожить храм недалеко от Баолэя, главного города Клана Железного Щита… Я справился, но на помощь монахам подоспели заклинатели. Несколько пущенных ими стрел задели меня.

Хайфэн задумался, не боятся ли Восставшие, что экзорцисты могут выследить их и напасть на Курган, но, по-видимому, он и впрямь хорошо охранялся. Судя по тому, что он слышал, в том числе от Шаньдяня, отец выделил множество отрядов для его поисков, и теперь они прочесывали каждый клан. Сталкиваясь с ними, нечисть расправлялась с экзорцистами, но порой и погибала: среди жителей Кургана, отправляющихся на задания Владыки, регулярно кто-нибудь умирал.

Каждый день Хайфэну оставалось лишь молиться, чтобы люди отца его не нашли.

Внезапно Шаньдянь перехватил его запястье, и не успел Хайфэн опомниться, как клыки вонзились ему в кожу, прокусывая ее насквозь. Русал поморщился от боли, дожидаясь, пока лан–яо насытится. Отбросив его руку, тот насмешливо сказал:

– Твоя кровь неплохо насыщает. Мне стало гораздо лучше.

Хайфэн сжал челюсть. Каким же этот волк был раздражающим…

– Можешь помазать укус той же мазью, – снисходительно добавил Шаньдянь, и русал удивленно раскрыл глаза, подумав, что он, должно быть, ослышался.

Лан-яо сам оставил рану, но позволяет ему залечить ее? В клане, как бы над Хайфэном не издевались братья и отец, о его синяках никто не заботился. У заклинателей не возникало даже мысли, чтобы помочь ему. Но Шаньдянь, при всем его презрении…

Хайфэн нерешительно нащупал лежащую на полу баночку и, обмакнув в нее пальцы, растер ее по голому плечу, с которого постоянно съезжала рубаха. Пахнущая горькими травами мазь впитывалась в кровоточащие ранки, приятно согревая кожу. Это теплое чувство ввергло юношу в растерянность, которая усилилась только больше, когда Шаньдянь ничего не сказал.

Цзяожэнь понимал, что, должно быть, волк позволил ему позаботиться о себе исключительно потому, чтобы он не ослабел от ран, а это, в свою очередь, не сказалось на его тренировках. Но все же… Хайфэн ощутил благодарность.

Как бы то ни было, ему в самом деле лучше было держаться рядом с этим демоном. Это Хайфэн понял уже через несколько дней.

***

Цзяожэнь спал, свернувшись калачиком рядом с сундуками. По ночам его часто мучили кошмары: обрывки брошенных ему в презрении слов, крики, плач, вкус крови на языке и чувство холода, будто он лежит в снегу. Так на него действовала вездесущая темная ци. В очередной раз он рвано втянул в себя воздух, когда услышал, как тихо скрипит камень о камень.

Кто-то пробирался к ним в комнату.

Однако Шаньдянь тоже обладал чутким слухом, и не успел незваный ночной гость переступить порог, как в него уже летел кинжал, просвистевший в воздухе. Возле двери глухо охнули. Хайфэн поспешно сел, а из вечной тьмы перед его глазами раздался насмешливый голос оборотня, в котором звучали стальные нотки:

– Тебе никто не говорил, что пробираться в покои одного из генералов может привести к плачевным последствиям?

– Плевать! – ответил ему высокий, истеричный голос. – Я убью его, если этого не хотите делать вы!

Вспыхнула темная ци, устремившись к Хайфэну, но не успел он увернуться, как Шаньдянь закрыл его собой и парировал чужой удар трескучим разрядом молнии. Тишину коридора нарушило еще несколько взрывов ци, тяжелое дыхание и вскрики нападавшего, скоро сменившиеся полными отчаяния хрипами и стонами, сопровождаемыми шуршанием электрического тока. Повеяло паленными волосами и плотью, с глухим шумом упало на каменный пол чье-то тело.

На звуки быстро сбежалась другая нечисть, и Шаньдянь объявил им:

– Этот червь посмел покуситься на моего слугу. Какая жалость, – цокнул он языком. – Каждого, кто осмелится повторить его ошибку, ждет та же участь, – и с гулким стуком захлопнул дверь.

Но несмотря на все предупреждения лан-яо, нечисть питала столь сильную ненависть к Шэн Ли, из-за которого они потеряли родителей, детей, возлюбленных, друзей и соратников, что продолжала раз за разом исподтишка – хотя нашлась пара безумцев, кто решился бросить вызов напрямую – нападать на Хайфэна. Шаньдянь поджаривал их, не моргнув глазом – и Владыка Кошмаров не упрекал его за это, так как сам был рад избавиться от тех, кто нарушил его волю.

***

Спустя неделю после того, как Восставшие позволили Хайфэну остаться среди них, он впервые убил человека.

Русалу снились нежные, но холодные руки матери, шелковистая, невесомая ткань ее платья и легкий, сладковатый и соленый запах, который всегда источала ее кожа – наверняка именно так пахло море. Даже во сне Хайфэн чувствовал, как ноет его сердце – он с тоской ждал того дня, когда сможет снять с матери заклятье, когда они вместе станут свободными. Для этого он был готов сделать что угодно, и тем же утром он это доказал.

Шаньдянь грубо растормошил его и, когда обнимающий себя за плечи Хайфэн неуклюже сел, проворчал:

– Поднимайся, весь Курган ждет тебя.

– Зачем?.. – не понял юноша, но поспешно встал и убрал за уши растрепавшиеся волосы.

Шаньдянь ничего не ответил, покинув комнату. Сонный Хайфэн, еще не пришедший в себя от сна и потому плохо соображающий, куда идти, врезался лицом в косяк двери и, втянув воздух сквозь стиснутые зубы, поспешил за ним.

Спустя долгое блуждание по коридорам русал вместе с приглушенным шумом голосов ощутил впереди огромное скопление темной ци, будто вся нечисть собралась в одном месте. Шаньдянь резко отворил пронзительно скрипнувшие двустворчатые каменные двери, и торопливо вошедшего за ним Хайфэна будто сковало коркой льда, промерзшей его до самого мозга костей.

В огромном зале воцарилась острая, звенящая тишина. Юношу ощущал себя так, словно его пронзили сотни игл – чужие взгляды впились в него, проникая под кожу. Он застыл, пытаясь справиться с накатившей паникой, чувствуя себя маленькой мушкой, попавшей в липкие сети целого сонма пауков.

– Чего встал?! За мной! – рявкнул ушедший вперед Шаньдянь.

Напряженный до предела, обливающийся холодным потом Хайфэн сдвинулся с места и на негнущихся ногах пошел сквозь море различной нечисти, чья энергия переплеталась друг с другом подобно нитям в гобелене. Мгновения тишины длились мучительно медленно и казалось, тянулись вечность, пока они с оборотнем не вышли на свободную площадку.

И в хаосе темной энергии Хайфэн сумел различить слабенькие огоньки человеческой ци.

– Владыка, сын Истребителя и принцессы русалок прибыл, – доложил Шаньдянь.

Кто-то с силой ударил Хайфэна по ногам.

– На колени перед Владыкой! – пророкотало над головой.

Поморщившись, юноша вынужденно склонил голову в низком поклоне.

– Сын Истребителя? – вдруг раздался пораженный возглас позади.

– Тот самый пропавший цзяожэнь? Это вы, Шэн Хайфэн?! – с надеждой вскричал один из заклинателей, что оказались среди этого полчища нечисти. Их испуганные, полные отчаяния голоса были юношескими – почти детскими.

– Я Хайфэн, – процедил, не удержавшись, русал. Он давно отказался от своей фамилии, которую отец «милостиво» позволил ему унаследовать, и терпеть не мог, когда кто-то вообще упоминал его кровное родство с ним. – И к роду Шэн не имею никакого отношения.

– Молчать! – взревел демон, сторожащий заклинателей-учеников, и те взвыли от боли. Одновременно с этим Хайфэна ощутимо ударила молния, но он прикусил губу, не издав ни звука.

Впереди и вверху, там, где находилось возвышение, раздался скучающий вздох, и негромкий ропот вокруг мгновенно оборвался.

– Итак, – Владыка Кошмаров шлепнул чем-то по раскрытой ладони. – Я понимаю, что у всех нас полно дел, но ведь иногда мы можем позволить себе развлечься? Я знаю, как вы все любите смотреть на казни, – довольно проговорил он, и зал заполнили радостные, полные предвкушения и жажды крови выкрики.

Хайфэн замер, распахнув глаза. Его сердце оборвалось: неужели демоны решили, что он бесполезен для них, и потому все-таки убьют? Но печать медленно слабеет… Значит, дело в другом.

И тут же в его сознании вспыхнула догадка.

Возможно, казнить будут не его. Казнить будет он.

– Этой ночью мы поймали четырех учеников Клана Железного Щита. Детишек, что посмели охотиться в предгорных лесах. Что ж, эта охота будет для них последней, – все так же лениво продолжил Владыка Эмэн, и нечисть снова разразилась единогласным хором. – Мы сломали им ноги, чтобы не убежали. Но в этот раз, увы, казнь будет лишена жестокости, так что не ждите поистине кровавого зрелища, – с сожалением вздохнул глава. – Потому что ее приведет в исполнение недавно захваченный нами пленник.

Хайфэн выпрямился и вскинул голову, чувствуя, как сжимается желудок от беспокойства и, в чем он не хотел признаваться себе – подавляемого страха. Реакция толпы была неоднозначной – лишь редкое улюлюканье, разочарованные вопли и возмущенные тирады прозвучали среди волн неуверенных и презрительных шепотков.

Стукнули сапоги, и Шаньдянь вздернул Хайфэна на ноги.

– Держи, – бросил он ему и сунул в руки что-то длинное и металлическое – меч, понял русал, осторожно проведя пальцами по холодному и гладкому лезвию. Оборотень развернул его лицом к нечисти и встал за его спиной.

– Но перед этим мне стоит кое-что объяснить вам. Я знаю, вы недовольны, что среди нас поселился сын этого ублюдка Шэн Ли, – выплюнул Владыка. – Но на то есть важная причина, из-за которой мне приходится закрывать глаза на происхождение русала, который теперь также является личным рабом генерала Шаньдяня. В Кургане нашло убежище немало представителей морского народа. Вы все осведомлены об их магии: чарующем голосе и управлении водой. Цзяожэни не раз демонстрировали это в битвах под началом генерала Наня. Но члены правящей семьи русалок обладают куда более выдающимися способностями, – тихо прошуршала ткань, и Эмэн выдержал торжественную паузу. – Они способны полностью подчинять себе людей, что позволит нам отплатить заклинателям их же монетой – взять их под контроль и лишить их какого-либо сопротивления, как они это сделали это с нашими родными и близкими. Этот мальчишка станет ценным бойцом после того, как мы снимем с него печать Гнета – а мы снимем ее. Поэтому, я прошу вас усмирить свою ненависть к проклятой крови Истребителя, что течет в венах этого русала, и прислушаться к голосу разума – с его способностями мы сможем дать отпор кланам. Сила Шэн Хайфэна превосходит возможности павшего царя русалок Сюаньво, потому что он – полубог.

Наступила томительная тишина. Хайфэн затаил дыхание в ожидании, как нечисть отреагирует на речь Владыки. Уже пережив несколько нападений, которые молниеносно пресекал Шаньдянь, юноша надеялся, что обитатели Кургана избавятся от предрассудков и осознают, что семейные узы не определяют личность. С волнением Хайфэн неосознанно уставился в пространство перед собой, жалея, что не может видеть выражения лиц собравшихся.

Но спустя несколько мгновений тишина взорвалась возбужденными криками и ревом. Зал поглотила какофония различных эмоций, столь разных, что Хайфэн впал в замешательство, но, к своему облегчению, распознал слова поддержки и одобрения – пусть среди них громче всех слышались мелодичные голоса Суня и других цзяожэней.

Так же резко, как начался, всеобщий вой замолк.

– В эту минуту он докажет перед всеми нами, что он на нашей стороне, и жизни заклинателей ничего для него не стоят, – холодно и жестко провозгласил предводитель армии Восставших.

– Убей их. Убей их всех, – с безумным восторгом прошипел на ухо вздрогнувшему Хайфэну Шаньдянь.

Русал нервно сглотнул и сжал рукоять меча в ладони. Держать клинок ему было не впервой, как и чувствовать легкость разрезаемой плоти и брызги крови на своем лице. Но в тот день он хотел убить, его переполняла ненависть к тому, кто издевался над ним всю его жизнь. И даже тогда он не сумел отнять жизнь своего врага – и жалел, что его слепота все испортила, пусть за содеянное Шэн Ли мог наплевать на договор с русалками и убить его.

А сейчас Хайфэн сделал шаг к мальчикам, о чьих поступках ничего не знал, но которых должен был уничтожить, потому что они пожелали стать заклинателями.

И это стало для них роковой ошибкой.

В гнетущем безмолвии юноша поднял слегка дрожащую руку с клинком.

– Нет, нет, пожалуйста, молодой господин, не делаете этого! – взвизгнул, умоляя, мальчишеский голосок.

– Вы же наполовину человек и сын Истребителя, величайшего охотника за нечистью! – напомнил другой. – Пусть ваша мать – русалка, вы не демон и не должны быть на их стороне!

– Уж лучше умереть, чем стать оружием в руках этих тварей! – сурово упрекнул третий, посмелее.

При этих словах Хайфэн замер, а потом вспомнил, с каким упоением отец и братья рассказывали о том, как издеваются над магическими существами, как истязают и режут на куски его же сородичей…

Юноша сжал зубы и опустил голову, так, что волосы занавесили его лицо.

– Я готов стать монстром, если это подарит мне свободу, – тихо произнес он, но все услышали. – И смерть я бы предпочел пребыванию среди вас, а не среди тех, кто пострадал так же, как я.

Дыхание застряло у учеников в горле – Хайфэн понимал, что они ожидали, что он откажется казнить их и попытается защитить их, вот только никто из заклинателей никогда не защищал его. Даже его мучитель лан-яо и то делал это. И какую бы тяжесть в груди русал не ощущал от осознания, что ему предстоит оборвать чужие жизни, он напоминал себе, что когда эти мальчишки вырастят, они могут стать такими же, как люди клана Шэн.

А этого допустить было нельзя. Так же, как упустить шанс получить хотя бы каплю доверия Восставших.

Снова тяжело сглотнув и перекинув меч в другую руку, юноша неожиданно для всех стянул с себя рабскую рубаху. Повернувшись к толпе спиной, чтобы бросить ее на пол, он продемонстрировал всем размашистые и глубокие росчерки шрамов на своей спине. Шрамов, оставленных тем, кто являлся его отцом.

Вновь обернувшись к ученикам, он с хладнокровным выражением на лице приблизился к ним.

– Г-господин?

– Что вы делаете?!

– Прошу вас, не надо!

Игнорируя их мольбы и всхлипы – один из мальчиков не удержался от рыданий, которые эхом отражались от стен гигантского грота, Хайфэн перехватил меч горизонтально. Нащупав свободной рукой макушку одной из жертв, дрогнувшей от прикосновения, он запустил пальцы в ее волосы и сжал их, заставив отклонить голову назад. Он чувствовал, дрожит и судорожно дышит мальчишка.

– Я не хочу умирать, – сдавленно выдавил он.

Хайфэн, неподвижно возвышающийся перед ним, бесстрастно проговорил:

– Существа, безвинно погибшие от рук заклинателей, тоже не хотели.

И, понимая, что каждая секунда промедления служит поводом усомниться в нем, цзяожэнь немедля провел лезвием по шее задыхающегося мальчика. Кожа и плоть порвались с чвакающим звуком, будто разорванное полотно, искромсанное ножницами, и горячая кровь залила ладони Хайфэна. От ее запаха и плеска, с которым она обагрила одежду и пролилась на каменный пол, к горлу юноши подкатила тошнота, но он стойко пересилил себя и, схватив за волосы следующего заклинателя, кричащего и пытающегося вырваться, повторил то же самое, чтобы скорее закончить эту пытку и для себя, и для них.

Минуту спустя вопли и плач оборвались, будто лопнувшая струна, и лишь шелест растекающейся крови был слышен в зале. Такую же, как она, липкую тишину нарушил звон упавшего на пол меча, который выронил стоящий в луже крови юноша.

Он не заметил, как кто-то приблизился к нему со спины и царапнул когтистой перчаткой по его безвольно повисшей руке, поднимая ее. Неподвижный Хайфэн, чьи глаза на забрызганном кровью лице смотрели в пустоту, не шелохнулся даже когда чужой язык скользнул по его мокрым пальцам.

– Ну, и как тебе? – с жаром шепнул Шаньдянь, наклонившись к нему. – Нравится ощущать кровь врагов на своих руках?

Хайфэн не ответил.

***

Каждый день Хайфэна обучала Шисуань – бесстыдная лисица, которая так и норовила прикоснуться к нему и прижаться своим соблазнительным телом. Ее цзяожэню тоже приходилось терпеть – вместе с ее язвительными намеками.

– Ах, а ведь раньше я была самой красивой куртизанкой в квартале удовольствий Чжугуана… – между делом предавалась она воспоминаниям, пока Хайфэн учился высвобождать и направлять свою ци. – Я жила там вместе с множеством моих сестер… Пока твой отец не сжег наш бордель дотла во время Испепеления, – гневно прошипела она. – И знаешь, что стало с остальными? Одних убили, других пустили на мех, на третьих наложили Цепи, чтобы использовать их лисий огонь, а четвертых взяли к себе в наложницы заклинатели… Меня хотел забрать Шэн Ли, но я оказала сопротивление и сбежала, позже присоединившись к Восставшим.

Прильнув к нему со спины, она зашептала ему на ухо, обдав щеку горячим благоухающим дыханием:

– Поэтому я ненавижу человеческих мужчин. Они сплошь предатели, обманщики, трусы и изверги, которые видят в женщинах лишь кукол из живой плоти, с помощью которой они могут удовлетворить свои желания. Им не нужна любовь. Поэтому меня не мучает совесть, когда я свожу их с ума своим очарованием, выпиваю их досуха и вырываю их сердца, – заливисто расхохоталась Шисуань.

Шисуань была одновременно строгим и ласковым учителем. Когда Хайфэн ошибался, она становилась злобной, принималась кричать и била его вспышками ци, когда же добивался успехов – принималась ласткться к нему и заигрывать, возлагая надежду, что после снятия печати с ним они «вырежут все кланы заклинателей».

На ее уроках Хайфэн активно накапливал ци в дяньтяне – в том числе в бассейне русалок и горячих источниках, которые приказывали освободить специально для него. Пребывание в воде и постоянное впитывание ее в себя позволяло ему расширять и развивать свою ци – потому что, даже будучи русалом с запечатанными силами он продолжал черпать их из воды. Также Хайфэн постепенно формировал золотое ядро, создавал шары из своей энергии, концентрировал ци в различных частях своего тела и ускорял ее циркуляцию по энергетическим каналам. Этим он занимался всю первую неделю пребывания в Кургане и теперь, когда никто не запрещал ему заниматься самосовершенствованием, продвигался вперед с невероятной скоростью – вероятно благодаря тому, что его отец был богом.

Кроме этого, Гуйму – женщина, распространяющая мощную темную ауру и пахнущая сырой землей, гнилью и лилиями – отдала Шаньдяню редкие пилюли, которые ее подчиненные гуи украли у заклинателей Клана Цветущего Дерева, известного своими целителями и лекарствами. Для демонов они были бесполезны, а вот полукровке Хайфэну очень пригодились – они давали ему дополнительный запас ци в больших объемах.

К концу второй недели обучения у него уже появился стабильный зародыш энергетического ядра – он чувствовал его в себе маленькой сияющей жемчужинкой, теплой и солнечной, похожей на второе сердце, сердце, дарящее надежду.

С каждым днем тренировки становились все более интенсивными и длились больше десяти часов – с утра до вечера. Под конец каждого дня Хайфэн чувствовал себя изможденным, но понимал, что чем больше усилий приложит, тем быстрее сможет проявить себя и доказать Восставшим, что он на их стороне. Он готовился к тому, чтобы биться бок о бок с ними против заклинателей. Поначалу его энергетический щит пропускал атаки Шисуань, метающей в него камни и лисий огонь, который не раз подпалил его рабскую рубаху и оставил ожоги,

которые потом приходилось залечивать, но спустя время стал более–менее устойчив к нему и даже сумел выдержать несильные удары молний Шаньдяня. Спустя несколько недель он сумел преобразовывать свою ци в энергетические волны, которые обрушивал на лисицу как цунами, и пусть она, будучи сильным и древним яо, отбивала их все, даже Шаньдянь признал, что слуга делает успехи.

Так, спустя всего месяц усердных тренировок Хайфэн достиг уровня Золотого ядра.

***

Куда больше трудностей и мучений для Хайфэна представлял ритуал у озера гортензий, который они с цзяожэнями проводили каждые три дня – и им, и ему требовалось восстановить ци.

К облегчению и радости юноши, ритуал и правда работал, но очень медленно. Он разрушал печать Гнета как вода точит камень – постепенно, методично, но неумолимо. Каждой такой ночью трещина на груди Хайфэна удлинялась, от нее появлялись ответвления, паутиной расползаясь на коже.

Сердце русала сжималось, когда он, стоя в центре водоема, ощущал железистый, солоноватый запах крови в прохладном и влажном ночном воздухе, напоенном нежным благоуханием цветов, и течение такой же прохладной, мягкой, всепроникающей русалочьей ци, которая окутывала его тело шелковым зыбким коконом и ощущалась ласковым, невесомым водяным паром как в горячих источниках. Хайфэн был глубоко признателен цзяожэням за то, что ради него они приносили в жертву часть себя, и при встречах низко кланялся им.

Но трепет, который он испытывал, контактируя с родственной ци, быстро сменялся острой, рвущей его изнутри болью. Запечатанная кровь отзывалась на зов сородичей, но не могла пробиться сквозь магические оковы. Подобно голубю и клетке, опутанной терновыми лозами, магия русалок внутри Хайфэна билась внутри него, пыталась найти выход наружу, но только натыкалась на шипы. Раз за разом юноша переживал эту пытку, будто сотни иголок пронзали его меридианы и жилы, и до крови закусывал губу, лишь бы не огласить местные леса своим криком. Всеми силами он пытался отвлекаться на доносящуюся сквозь гул в голове и стук пульса в ушах песнь русалок, возвышенную и трогающую до глубины души. Хайфэн желал послушать ее как следует и ждал того дня, когда его собственный голос под влиянием магии расцветет как бутон пиона.

С каждым новым разом ритуал длился немного дольше, и первые недели Хайфэн регулярно терял сознание, а приходил в себя уже в комнате Шаньдяня. Чаще всего он оказывался там в одиночестве, но всегда находил на столе кувшин с водой и лекарства, которые Гуйму и ее мертвецы также крали у Клана Цветущего Дерева. Со временем юноша стал выносливее к этой чудовищной боли, и пусть чувствовал себя выпотрошенным, с поддержкой Суня кое-как выбирался из озера и брел обратно в Курган, едва перебирая ногами.

Ритуалы длились всего несколько минут и по иной причине: Шэн Ли приказал заклинателям всех кланов искать Хайфэна. Курган находился в глубинах непроходимых Ониксовых гор, на окраинах империи Цигу, поэтому заклинатели появлялись там нечасто. А если появлялись, то патрулирующие местность сильные демоны атаковали их и не давали уйти.

Однажды им все же не повезло. Большая группа экзорцистов, летящих на мечах, сумела прорваться вглубь гор.

Ритуал только начался, когда Шаньдянь внезапно прервал его и приказал всем скрыть свои ауры. Но было поздно, спустя несколько минут их заметили, Хайфэн еще издалека услышал резкие торопливые окрики.

– Ныряй! – крикнул ему Шаньдянь. – Нельзя, чтобы тебя заметили! Защищайте его ценой своей жизни! – велел он цзяожэням, и Хайфэн послушался, задержав дыхание и с головой уйдя глубоко под воду. Дышать под водой он не мог, но задержать дыхание на несколько минут было ему по силам.

Находясь в дрожащей холодной тьме в окружении глухого шума воды в ушах, он почти не имел представления, что происходит на поверхности – снаружи доносился хаос из звуков взрывов, грохота грома, плеска и призрачного пения. Скоро Хайфэна потянули наверх крепкие руки Суня, и вынырнув наружу, юноша поморщился от запаха обугленных тел и тяжелого духа грозы.

Совместные ритуалы также помогли ему сблизиться с некоторыми сородичами. Когда его похитил Шаньдянь, Хайфэн догадывался, что демоны не примут его с распростертыми объятиями – хотя, он все же надеялся, что они будут относиться к нему лояльнее и понимать, что он с ними в одной лодке. Но на деле его окружали лишь недовольные, полные желчи шепотки, сверлящие взгляды в спину и попытки убийства, которые пресекал Шаньдянь. Но Хайфэн уповал, что другие цзяожэни точно примут его к себе, ведь как бы то ни было, он – внук их павшего правителя.

Вот только их царь погиб от руки его отца.

Предубеждения нечисти окружали Хайфэна со всех сторон, ядом сочились внутрь него. И лишь один в подземном городе было по-настоящему, бесконечно добр к нему – Сунь. Он был первым, кто ни капли не усомнился в его намерениях и помыслах. Сунь относился к нему не как к ошибке природы, а как к истинному принцу.

Когда они выходили из Кургана в сумерках, Хайфэн, идущий позади Шаньдяня, нередко спотыкался о пригорки, неровности земли, ветви и корни деревьев, и был изумлен до глубины души, ощутив на своем плече чужую ладонь.

– Будьте осторожны, Ваше Высочество, не ушибитесь, – раздался участливый голос сверху – Сунь на голову возвышался над и без того высоким Хайфэном.

Юноша неловко поблагодарил его. Идти по дикому горному лесу было значительно легче с чужой поддержкой – Сунь предупреждал его о том, что впереди, и иногда направлял за плечи. Это приводило Хайфэна в ступор. С самого рождения никто не заботился о нем, и он впервые чувствовал доселе неведомое тепло. Десяткам слуг, учителям и заклинателям было все равно на то, что он слепой, а если он врезался во что-то, следуя за ними, то его грубо и раздраженно вздергивали за руку, как это делал Шаньдянь.

А ладонь Суня была теплой, а его голос – ласковым и полным почтения. В его присутствии Хайфэн чувствовал себя в безопасности, и оттого давящий на него груз переживаний, тоски, досады и тревоги становился легче. И потому юноша тянулся к нему, цеплялся, как спасительную соломинку, когда сам он утопал во враждебных водах.

– Господин Сунь, – тихо позвал его Хайфэн спустя неделю знакомства. – Вы сказали, что я похож на мою мать. Вы знали ее до того, как она попала в плен?

Едва юноша задал вопрос, как Шаньдянь пустил в него легкий разряд молнии, заставив юношу ахнуть и сжать зубы.

– Разве я не говорил тебе, что ты можешь открывать рот, только когда я тебе скажу? – протянул он.

Хайфэн ощутил, как ладонь Суня, придержавшего его, чтобы он не упал, напряглась и сжалась на его плече, и как он встал, не двигаясь.

– Прошу простить меня за дерзость, генерал Шаньдянь, но Его Высочество имеет право узнать о больше о цзяожэнях, ведь в недалеком будущем он возглавит нашу армию, – веско проговорил Сунь, заметно сдерживая негодование. – Разве не будет лучше для него, если он узнает о Полуночных Глубинах?

Ушедший вперед Шаньдянь фыркнул и ничего не ответил.

– В любом случае, я сам расскажу Его Высочеству обо всем, что он хочет узнать, и мне приказать молчать вы не можете, так как я – не ваш подчиненный, – продолжил Сунь уже невозмутимо и повел Хайфэна дальше. Подняв руку, юноша коснулся ладонью плеча мужчины и произнес одними губами «спасибо». – Разумеется, я хорошо знал принцессу Шуйму, Ваше

Высочество, ведь я был одним из генералов вашего деда, – дал Сунь ответ на вопрос с улыбкой в голосе.

Хайфэн тихо ахнул.

– Мы обитаем в Полуночных Глубинах на дне Бездонного моря, в одной из темных его областей. Королевский род цзяожэней живет в Чертогах Лунного Света, огромном дворце из лунного камня, хрусталя и морской соли. Я часто виделся в нем с великим Сюаньво и его дочерью... Принцесса Шуйму предпочитала проводить время в одиночестве, она всегда была тихой, задумчивой и молчаливой, взгляд ее был отсутствующим, будто она витала где-то в облаках. В отличии от других русалок, она не любила петь, но великолепно играла на флейте и часто уплывала из дворца, чтобы сыграть морским животным. Она нередко появлялась в сопровождении медуз и любила кататься на дельфинах. А порой и вовсе пропадала надолго, исследуя морское дно. Великий Сюаньво приказывал искать ее, пока ее не находили. Своенравия ей было не занимать также, как и красоты, – тихо рассмеялся Сунь, но в его словах Хайфэну почудилась печаль – и нежность. – Но какой пугающей была принцесса Шуйму, когда злилась… Ее ярость всегда была холодной как лед, а слова она метала, будто ледяные кинжалы. Но отец всегда успокаивал ее, баловал, даже когда она повзрослела. Он очень любил ее, свое единственное дитя. С тех пор, как его жена погибла в сражении с морским демоном, он ни на кого больше не взглянул, лишь она и их дочь занимала место в его сердце.

– Мы все любили Его Величество, – внезапно подал голос русал Хао.

– Он был честным и милосердным правителем, – поддержал Сунь. – Уверен, Ваше Высочество, вы станете ему достойным наследником, – Хайфэн на миг задержал дыхание, тронутый его словами и верой в него.

– А принцесса Шуйму правда была непревзойдённой красавицей и сражалась за свой народ наравне с воинами, – протяжно вздохнув, добавил еще один цзяожэнь по имени Ша.

– Бедняжка… – прошептала русалка Шицзы, идущая позади всех. – Каково, должно быть, ужасно, попасть в руки к такому жестокому человеку, как Шэн Ли. Знать, что ее род пал, отец погиб, что она и шага ступить не может без чужого приказа… – каждое слово девы было полно горечи и искреннего сожаления. – Терпеть постоянное насилие над собой. Мне еще повезло, что я была служанкой у молодой госпожи, пусть она могла ударить меня, никто не посягал на мою честь…Заклинатели лишают нас воли, но мы продолжаем все видеть, слышать и чувствовать, просто не осознаем. Нахождение под заклятьем Цепей похоже на то, как видеть сон, видеть худший из кошмаров.

Хайфэн резко остановился, приоткрыл рот и пораженно распахнул глаза.

– Ваше Высочество?..

– Так значит… – пробормотал Хайфэн и медленно поднял голову к Суню. – Мама видела меня? И понимала, что я говорю?

– А вы не знали? – помедлив, спросил Сунь.

– Нет, – печально покачал головой Хайфэн, опустив голову. Во время встреч с матерью в садовой беседке он тянулся к ней с объятьями, просил рассказать о море, делился с ней, чему его обучают учителя, но она всегда была безмолвной неподвижной куклой и лишь редко отвечала на вопросы, которые не относились ни к русалочьему народу, ни к экзорцистам – отец запрещал ей говорить об этом. Все это время Хайфэн думал, что Шуйму полностью утратила себя как личность, но значит, она все же слушала его, просто не могла с ним поговорить, не могла дать волю эмоциям. С детства он мечтал освободить маму, чтобы она обняла его, прижала к себе, пожалела и пообещала, что теперь у них все будет хорошо, что они будут вольны делать, что пожелают. И теперь он знал, что когда снимает с Шуйму Цепи, у нее не будет двадцатилетнего провала в памяти, она не будет недоумевать, кто он, а тут же узнает в нем своего сына, с которым вместе пострадала от Истребителя.

– Придет день, и вы освободите ее, – подбодрил его Сунь. – А мы поможем вам ее вернуть.

От его слов решимости в Хайфэне прибавлялось все больше. Он стал с нетерпением ждать ночных ритуалов, потому что по дороге к озеру он мог послушать речи тех, кто относился к нему не как к грязи и ничтожеству и стремились к тому же, что и он.

Больше всего цзяожэни любили рассказывать ему о море.

– Нет во всей Цигу места лучше, чем оно. Только оно способно принести нам истинные покой и счастье, – с тоской и любовью говорил Сунь.

Вот только Хайфэн не понимал, как вообще выглядит и ощущается это море, поэтому цзяожэню пришлось объяснять – так, чтобы было понятно слепому.

– Море – это бескрайний простор воды. Оно – словно заполненная пиала, но огромного размера, и невероятно глубокая. Его поверхность бывает спокойной, а порой волнуется и вздымается, как если бы вы пиалу в руках раскачали. И у его волн – больших и маленьких – есть пенистая кайма, которая, разбиваясь о камни, разлетается на тысячи брызг. Оно бурлит, шумит, плещется, зовет… Его воды не мягкие, а более въедливые. И пахнет море по-иному – ни как озерная вода, а терпкой свежестью соли и…

– …свободой, – закончили за него другие цзяожэни.

Повисла тишина, пропитанная ускользающим шлейфом ностальгии, будто дым от сгорающей свечи.

– Я понял, – прошептал Хайфэн.

Вернуться к морю была его давней мечтой, и теперь она стала поистине заветной.

– Под водой есть множество водорослей, они растут, как кусты и похожи на шелковые ленты, кораллов, подобным деревьям, и морских существ. Большинство из них покрыты чешуей, как наши хвосты и кожа, потрогайте, – Сунь взял пальцы Хайфэна и поднес к своей щеке, чтобы тот почувствовал перламутровые чешуйки. – Но есть и те, у кого кожа гладкая. И у многих есть хвосты, как у цзяожэней.

– А киты по-настоящему огромны! Рыбы с целую гору! – подхватил Ша.

– Но нет ничего прекраснее в море Чертогов Лунного Света, Ваше Высочество. Он весь сияет изнутри, лунный камень переливается… прямо как ваши волосы и волосы вашей матери.

– Мои волосы? – Хайфэн коснулся пальцами длинной пряди, выбившейся из-за заостренного уха. – Я не знаю, какие они. Что значит «переливается»?

Цзяожэни замолчали и растерялись, не зная, как объяснить.

– Они струятся как вода, – неожиданно сказал Шаньдянь, по обыкновению, молча продвигающийся вглубь заросшей чащи. – Перетекают также, но оттенками.

Хайфэн, смутно удивленный тем, что оборотень вообще вступил в разговор, рассеянно пропустил прядь меж пальцев и заправил ее обратно, попытавшись представить это, но так и не сумел – он не имел ни малейшего понятия, что такое «цвета» и «оттенки».

С каждой новой встречей цзяожэни, сопровождающие его во время ритуала, становились все более открыты к нему. Они с энтузиазмом рассказывали о русалочьих способностях. Русалки поясняли, как правильно владеть своим голосом, вспоминали состязания, которые устраивались в Полуночных Глубинах – на них определялся русал, чьи песни были самими прекрасными и оказывали наиболее сильное воздействие на людей, и как десятки лет назад они своим пением очаровывали мимо проплывающих моряков. Хайфэн узнал, что русалочий род способен понимать язык всех морских существ – вероятно, потому его мать больше предпочитала проводить время с животными.

В скором времени он узнал о Шуйму и русалочьей природе то, о чем он никогда не знал и что поразило его до глубины души.

– Пусть мы, цзяожэни, были теми, кто поднял самое крупное восстание, на самом деле нам было тяжелее всего принять жестокий и коварный нрав заклинателей и вступить с ними в войну, – с тоской и сожалением проронил Сунь.

На лице Хайфэна отразился вопрос.

– Вы и про это не знаете, Ваше Высочество?.. – поразился Сунь и охнул. Он помедлил в смятении, и только после этого продолжил объяснять. – От других существ нас отличает то, что мы связаны с людьми крепкими узами. Первые русалки были порождены Морем, и уже после продолжили свой род, вступая в брак друг с другом. Но несмотря на это, во всех нас заложено тянуться к людям. В этом мире нам суждено жить всего лишь сто лет, после чего мы умираем и обращаемся в соленую воду, растворяясь в Бездонном море. Но если мы хотим жить вечность… мы должны взаимно полюбить человека. Именно поэтому нам дан дар очарования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.